ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА

№ 12

ВЛАДИМИРЪ СОЛЬСКІЙ

ЛЕНИНЪ

РУССКОЕ
УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИНЪ

Рус

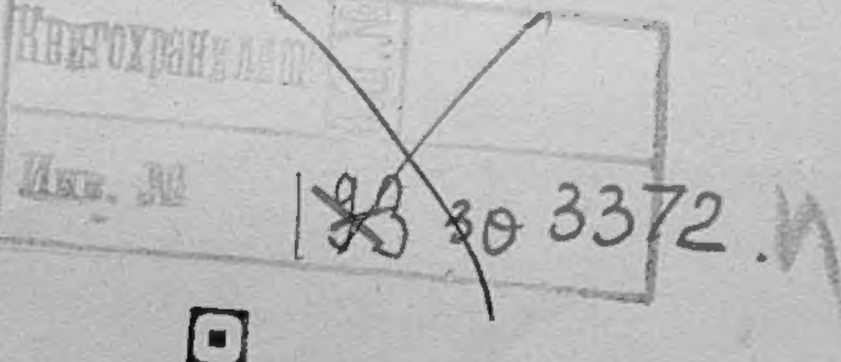
ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА

№ 12

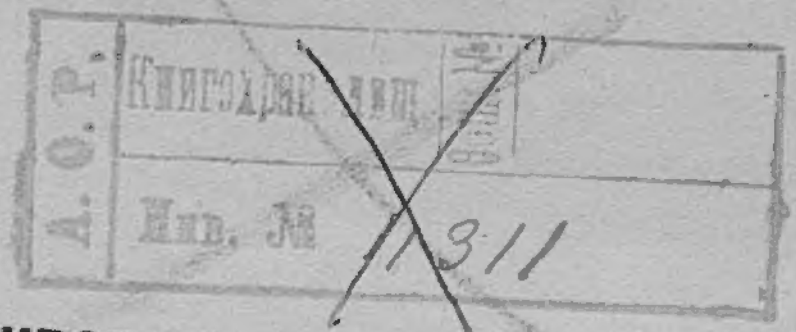
В. СОЛЬСКІЙ

ЛЕНИНЪ

Русское Универсальное Издательство

Берлинъ

1 9 2 1

Слава Ленина идетъ быстро на убыль. Дѣло — не въ извѣстности, которая достигается и рекламой и выпадаетъ на долю одинаково какъ геніальныхъ людей, такъ и замѣчательныхъ торреадоровъ, боксеровъ и шулеровъ.

Дѣло — въ томъ, что имя Ленина перестаетъ быть боевымъ кличемъ, знаменемъ, собирающимъ вокругъ себя арміи революціи.

Ленинъ погибаетъ, какъ вождь.

Прослѣдимъ причины заката его славы. Въ изложеніи ихъ предъ нами раскроется его личность и отчасти — нѣкоторыя особенности нашего вулканическаго времени.

Сначала — нѣсколько данныхъ изъ его біографіи.

* * *

Владимиръ Ильичъ Ульяновъ (литературный и революціонный псевдонимъ «Н. Ленинъ») родился въ Симбирскѣ 10 апрѣля 1870 г. Онъ происходитъ изъ потомственныхъ дворянъ. Отецъ его занималъ довольно видное мѣсто директора народныхъ училищъ.

Для характеристики настроеній, въ которыхъ протекала юность Ленина, необходимо напомнить, что его братъ, Александръ, за покушеніе на Александра III былъ въ 1887 году повѣшенъ въ Шлиссельбургской крѣпости.

По окончаніи гимназіи Ленинъ поступилъ на юри-

дическій факультетъ казанскаго университета, откуда былъ исключенъ за участіе въ кружкахъ. Ленинъ переѣхалъ затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ и сдалъ государственные экзамены.

Здѣсь въ «Союзѣ освобожденія труда» начинается его нелегальная революціонная работа. Къ этому времени онъ уже былъ знакомъ съ ученіемъ Маркса, входившимъ тогда у насъ въ моду.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ Ленинъ былъ арестованъ и отправленъ въ ссылку. Изъ ссылки онъ бѣжалъ заграницу, въ Швейцарію, и въ 1901 году вмѣстѣ съ Плехановымъ вошелъ въ редакцію газеты «Искра». Въ это время уже существовала россійская соціалъ-демократическая партія, основанная въ 1898 году. Но въ 1903 году на лондонскомъ съѣздѣ произошелъ расколъ партіи на фракціи меньшевиковъ и большевиковъ. Во главѣ послѣдней становится и съ тѣхъ поръ безсмѣнно остался Ленинъ. Онъ редактируетъ органъ большевистской фракціи «Впередъ» и обосновываетъ ея теоріи. Въ 1905 году партія большевиковъ окончательно сформировалась.

Въ томъ же году Ленинъ возвращается въ Россію и здѣсь входитъ въ редакціонный комитетъ «Новой Жизни», гдѣ очень часто за его подписью появляются передовыя статьи по текущимъ вопросамъ тогдашней революціи. Практическаго участія въ ходѣ ея Ленинъ не принималъ. Онъ не состоялъ, напримѣръ, членомъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Но идейное руководство дѣятельностью большевиковъ принадлежало ему. Отличительной чертой этой дѣятельности было перенапряженіе революціонной энергіи рабочаго класса, стремленіе продлить уже слабѣвшее стачечное движеніе и рѣшить выдвинутыя революціей задачи на баррикадахъ, въ вооруженномъ возстаніи — для организаціи «революціонной и демократической диктатуры».

Политическимъ лозунгомъ большевики выдвинули тогда бойкотъ первой Думы.

Въ 1907 году Ленинъ снова возвращается въ Швейцарію. Въ 1912 г. онъ переселяется въ Краковъ и отсюда руководитъ большевистскимъ движеніемъ.

Біографъ Ленина не можетъ пройти мимо того факта, что наиболѣе яркая дѣятельность большевиковъ того времени — легально-литературная и парламентская — совершалась съ помощью и при непосредственномъ участіи выдающихся агентовъ департамента полиціи, и такимъ образомъ, отвѣчала интересамъ охранныхъ отдѣленій.

Агенты эти: Малиновскій (большевистскій депутатъ въ Государственной Думѣ) и Черномазовъ (редакторъ выходившей тогда въ Петроградѣ «Правды»). При ихъ посредствѣ ближайшимъ сотрудникомъ Ленина по публичнымъ выступленіямъ большевиковъ въ печати и на парламентской трибунѣ — былъ департаментъ полиціи.

Во весь этотъ періодъ имя Ленина едва-ли было извѣстно за предѣлами партійныхъ организацій. И въ первые годы всемірной войны его популярность не стала болѣе широкой.

Война застала Ленина въ галиційской деревнѣ, гдѣ онъ былъ арестованъ австрійскими властями, но затѣмъ былъ отпущенъ и переѣхалъ снова въ Швейцарію.

Здѣсь онъ принялъ участіе въ Циммервальдской и Кинтальской конференціяхъ по вопросамъ о способахъ прекращенія войны и выработалъ резолюцію группы кинтальцевъ.

Въ основныхъ чертахъ резолюція эта сводилась къ слѣдующему. Наивны мечты соціалистовъ-интернаціоналистовъ объ окончаніи войны безъ побѣдителей и побѣжденныхъ на основѣ самоопредѣленія народовъ, безъ контрибуцій и территоріальныхъ захватовъ. Пролетаріатъ не можетъ не желать пораженія своего отечественнаго имперіализма. Поэтому задача пролета-

ріата — повернуть оружіе противъ своихъ поработителей и начать гражданскую войну.

Въ апрѣлѣ 1917 года Ленинъ въ вагонѣ, предоставленномъ германскимъ императорскимъ правительствомъ, вмѣстѣ съ другими эмигрантами, черезъ территорію Германіи проѣхалъ въ Данію, а оттуда чрезъ Швецію — въ Россію.

Съ этого собственно момента начинается извѣстность Ленина. Необычность обстановки, чрезвычайность услуги, оказанной германскимъ генеральнымъ штабомъ, смущали, озадачивали, вызывали негодованіе.

Ленинъ тогда не признавалъ отечества (теперь онъ признаетъ «соціалистическое отечество»), и поэтому германское императорское правительство могло не быть его врагомъ. Но оно было не только орудіемъ, но и вдохновителемъ, мозгомъ и сердцемъ имперіализма, калѣчившаго, истреблявшаго пролетаріатъ. И потому оно являлось, должно было являться врагомъ на жизнь и смерть для вождя пролетаріата.

Можно-ли принимать какія бы то ни было услуги отъ презираемаго врага, а особенно такія исключительныя, безцѣнныя, идущія вразрѣзъ со всѣми законами и обычаями войны?...

Ленинъ рѣшилъ этотъ вопросъ положительно.

Въ Петроградѣ сторонники Ленина устроили ему торжественную встрѣчу.

И немедленно по прибытіи въ Россію Ленинъ начинаетъ ожесточенную борьбу съ тогдашнимъ правительствомъ. Мы подчеркиваемъ слово «немедленно», потому что позже оно освѣтитъ намъ нѣкоторыя фактическія неточности въ утвержденіяхъ Ленина и противорѣчія въ системѣ его мышленія.

Уже вскорѣ послѣ того, какъ Ленинъ обосновался въ Петроградѣ, вспыхиваютъ отдѣльныя вооруженныя выступленія большевиковъ. Развитія своего они достигаютъ въ планомѣрной и хорошо организованной по-

пыткѣ вооруженнаго возстанія части гарнизона, рабочихъ и кронштадтскихъ матросовъ 2—5 іюля. Послѣ ея крушенія Ленинъ скрылся, а въ двадцатыхъ числахъ октября раздался его голосъ:

— Промедленіе — смерти подобно.

Большевики не медлили. 25 октября произошелъ большевистскій переворотъ и Россія обратилась въ театръ невиданной въ исторіи гражданской войны.

Къ описываемому времени относится одно выступленіе Ленина, имѣвшее огромное значеніе.

На происходившемъ въ маѣ въ Народномъ домѣ крестьянскомъ съѣздѣ появился Ленинъ и принесъ покаяніе. Онъ заявилъ, что его аграрная программа была плодомъ заблужденія, и что онъ стоитъ за немедленное, полное и безвозмездное отчужденіе всѣхъ земель въ пользу крестьянъ.

И 25 октября датируется рожденіе славы Ленина, разнесшейся по всѣмъ уголкамъ земного шара.

Разсмотрѣніемъ его воззрѣній за послѣдующій періодъ мы и займемся.

Здѣсь кстати будемъ указать, что всѣ укоры Ленину въ противорѣчіяхъ тому, что онъ самъ писалъ и проповѣдовалъ до октябрьскаго переворота, несправедливы. Ленинъ отводитъ ихъ, во-первыхъ, ссылкой на то, что диктатуру пролетаріата онъ провозгласилъ еще въ 1905 году. И, во-вторыхъ, тѣмъ, что всѣ его прежнія утвержденія (о неизбѣжности для Россіи капиталистической фазы развитія, о буржуазномъ характерѣ предстоящей революціи, о необходимости демократіи, Учредительнаго Собранія и т. д.) съ измѣненіемъ характера эпохи и новыми настроеніями пролетаріата отпадаютъ.

Поэтому и мы будемъ разсматривать Ленина лишь такимъ, какимъ онъ сложился и обрисовался съ момента своего появленія въ Россіи въ 1917 году.

Здѣсь откроются противорѣчія, болѣе глубокія и болѣе существенныя...

* * *

Намъ необходимо хотя бы въ нѣкоторыхъ чертахъ вспомнить причины ошеломляющаго успѣха большевизма на нашей родинѣ.

Оставляя въ сторонѣ болѣе отдаленные — политическіе, соціальные и бытовые, — остановимся на ближайшихъ фактахъ, обусловившихъ ослѣпляющую своей легкостью и широтой побѣду большевиковъ.

Дѣло въ томъ, что партіи, составлявшія и поддерживавшіяся Временное Правительство, совершили коренную ошибку, повлекшую за собой всѣ остальныя.

Онѣ во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ, не исходили изъ факта революціи и не учитывали психологіи революціоннаго народа. Онѣ великолѣпно и точно отмѣчали въ законодательныхъ постановленіяхъ политическія завоеванія народа и дальше того не шли. Онѣ не поняли ни настроеній народныхъ, ни своей роли въ революціи.

Революція завершаетъ собой какой-то длительный процессъ, до нея происходившій, въ который народъ уже дѣйствовалъ. Въ революціи народъ обнаруживаетъ свою волю къ дѣйствію. Онъ хочетъ немедленно, сейчасъ же видѣть, по крайней мѣрѣ, начало осуществленія своихъ стремленій и требуетъ своего непосредственнаго участія въ разрѣшеніи волнующихъ его вопросовъ.

Революція 1917 года заканчивала собой цѣлую эпоху трагическихъ народныхъ движеній (включая сюда и революцію 1905 года), вызванныхъ повелительной потребностью въ «землѣ и волѣ». Война ускоряла ея развитіе и умножала ея энергію.

Уже давно была отмѣчена усталость всей страны отъ войны и массовое дезертирство.

Этого «дѣйствія» народнаго ни правительство, ни поддерживавшія его партіи не учли и съ нимъ не считались. Дѣйствіе иллегальное, дезертирство, нужно было обратить въ законный актъ народной воли.

Какимъ образомъ? Можетъ быть, отпускомъ всѣхъ нежелающихъ воевать и наборомъ хорошо опла-

ченныхъ и обезпеченныхъ вмѣстѣ съ семьями на всѣ несчастные случаи войны добровольцевъ. Можетъ быть, какими-нибудь иными мѣрами.

Во всякомъ случаѣ стихія движенія должна была найти удовлетвореніе.

И если народъ, весь народъ безъ помощи и участія правительства разносомъ тюремъ могъ дать амнистію заключеннымъ, если онъ самъ осуществилъ всѣ гражданскія свободы, если онъ отчасти могъ подойти путемъ захватовъ къ отдаленному рѣшенію земельнаго вопроса, то вопросъ о войнѣ онъ могъ рѣшить лишь при содѣйствіи правительства.

И уже ни при какихъ условіяхъ безъ его опроса, безъ его на то соизволенія нельзя было продолжать войну, т. е. нельзя было устранить народъ отъ разсмотрѣнія одной изъ основныхъ проблемъ, создавшихъ революцію и ею выдвинутыхъ.

А между тѣмъ правительство войну продолжало. Готовились и производились наступленія, буржуазныя партіи, имѣвшія своихъ представителей въ правительствѣ, по-прежнему кричали:

— До побѣднаго конца!

И предпринимались какія-то неискреннія полумѣры, какіе-то непонятные полушаги къ прекращенію войны, еще болѣе раздражавшіе народъ и оскорблявшіе его сознаніе права на самостоятельное рѣшеніе вопроса о крови и жизни своихъ дѣтей.

Въ этомъ положеніи народъ могъ или подчиниться правительству, или создать новое, болѣе отвѣчающее его страстнымъ, нетерпѣливымъ ожиданіямъ и его потребности дѣйствовать.

Уже къ іюню, іюлю народъ и Временное Правительство разошлись. Органы революціи, тогдашніе совѣты рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ, быстро, но неуклонно умирали. Центръ народныхъ мыслей и чаяній перемѣстился куда-то въ иное мѣсто.

При такихъ условіяхъ народъ, покуда въ немъ кипѣла революціонная энергія, всегда нашелъ бы — или, по крайней мѣрѣ, попытался бы найти — удовлетвореніе своимъ запросамъ.

И если бы не было большевиковъ, изъ нѣдръ взволнованнаго народнаго моря явились бы другіе и выразили бы клокотавшую въ немъ страсть.

Здѣсь, конечно, объясненіе быстрой и легкой побѣды большевиковъ. Другое дѣло, какъ и ради чего они пользовались этой побѣдой?

Яркій свѣтъ на эти страницы нашей исторіи проливаетъ личность Ленина.

* * *

Чтобы понять личность, необходимо принять цѣликомъ ея вѣрованія, стремленія, идеалы въ томъ видѣ, какъ она сама ихъ ставитъ предъ собой. Необходимо признать ея точки зрѣнія и, исходя именно изъ нихъ, оцѣнивать ея дѣйствія, ея послѣдовательность, вѣрность избранному пути; ея моральными критеріями измѣрять ея принципіальную чистоту или отступничество.

Только тотъ способъ мышленія можетъ служить руководствомъ къ изученію личности, который она сама примѣняетъ.

Для Ленина марксизмъ является всеопредѣляющимъ началомъ изученія и познаванія дѣйствительности. Даже не марксизмъ, какъ методъ (методомъ этимъ, какъ мы дальше увидимъ, онъ плохо владѣетъ), а творенія Маркса и Энгельса. Для него они — творенія святыхъ отцовъ, источникъ мудрости, нравственнаго очищенія и въ то же время послѣдній, страшный судъ. Ими онъ не только объясняетъ, но и оправдываетъ свои поступки, въ согласованіи своего поведенія съ ихъ указаніями онъ находитъ свое высшее удовлетвореніе. Расхожденіе съ ихъ предначертаніями онъ клеймитъ, какъ самое тяжкое преступленіе.

И, вчитавшись въ писанія Ленина, вы убѣждаетесь, что, въ сущности, не труды Маркса и Энгельса являются его путеводной звѣздой, а то, что онъ изъ нихъ воспринялъ, то, какъ онъ ихъ понимаетъ. Всякое иное пониманіе, всякое иное толкованіе тѣхъ же трудовъ вызываетъ въ немъ негодованіе и презрѣніе.

Распространенное въ лагерѣ противниковъ Ленина, ходячее мнѣніе рисуетъ его циникомъ. Это утвержденіе въ корнѣ неправильно. Циникъ лишенъ не только нравственныхъ устоевъ, но и нравственныхъ воспріятій. Всѣ же писанія Ленина выдержаны въ суровомъ, проповѣдническомъ тонѣ. Всѣ они полны изобличеній въ революціонномъ грѣхопаденіи—съ точки зрѣнія Ленина. Всѣ они испещрены выраженіями возмущеннаго чувства, вылившимися въ термины крайней силы и опредѣленности.

«Подлость», «низость», «предательство», «измѣна», «лакейство» и т. д. И на другой сторонѣ — непревзойденное мужество, самоотреченіе и пр.

Дальше мы увидимъ, что моральному началу онъ приписываетъ огромное значеніе въ дѣлѣ конечныхъ, по его мнѣнію, цѣлей человѣчества — достиженія коммунистическаго строя.

Ему постоянно рисуется какой-то особый «передовой отрядъ пролетаріата», который, въ революціонное по крайней мѣрѣ время, — неустанно идетъ впередъ; несмотря ни на что, безпрерывно борется; гибнетъ, горитъ вдохновеніемъ, не знаетъ колебаній и въ своемъ мощномъ движеніи увлекаетъ за собой близкія ему соціально и вообще отсталыя массы...

Куда?

Увы! Тутъ мы слышимъ ту же пѣсню, что звучала въ годы міровой войны:

— Къ полной побѣдѣ!

Здѣсь, конечно, Ленинъ круто расходится съ Марксомъ и Энгельсомъ, чьи слова о трезвомъ отношеніи къ дѣйствительности, о построеніи всѣхъ расчетовъ на

изученіи дѣйствительности, какъ она есть, онъ такъ восторженно воспѣваетъ.

Онъ создалъ себѣ свою дѣйствительность и ее одну признаетъ реальной. Онъ глубоко убѣжденъ, что именно марксизмъ, именно научное изслѣдованіе раскрыло предъ нимъ эту единственно существующую реальность.

И эту его черту мы должны принять въ расчетъ при обрисовкѣ его личности.

Изъ его писаній послѣ 1917 года наиболѣе цѣнной для пониманія всего его образа является брошюрка подъ названіемъ «Дѣтская болѣзнь лѣвизны въ коммунизмѣ». Издана она въ 1920 году. Здѣсь характерныя особенности Ленина выступаютъ особенно ярко.

Въ ней онъ посылаетъ непрекращающіеся громы на головы «подлыхъ» вождей второго Интернаціонала и клеймитъ ѣдкой насмѣшкой черезчуръ радикальныхъ вождей лѣваго коммунизма. И среди этихъ громовъ и насмѣшекъ проводитъ ясную нить, ведущую къ его пониманію свойствъ и призванія вождя.

Брошюрка проникнута тономъ глубокаго удовлетворенія человѣка, дѣлами доказавшаго свою правоту и потому имѣющаго всѣ основанія поучать.

И Ленинъ поучаетъ въ присущемъ ему стилѣ: «соучастники бандитизма», «измѣнники», «предатели», «карьеристы» — по адресу вождей второго Интернаціонала и «глупость» — по адресу вождей лѣваго коммунизма.

Но что же такое «умъ», безъ котораго вождь ведетъ къ пораженію и гибели идущія за нимъ массы?

Русское слово «умъ» включаетъ въ себя два понятія: «разумъ» и «разсудокъ».

Разумъ — способность къ широкимъ изслѣдованіямъ вѣчныхъ вопросовъ бытія, изученію законовъ, движущихъ жизнь — не принадлежитъ къ духовнымъ богатствамъ Ленина. Его потребностей онъ не понимаетъ. Для него исторія философіи, исторія человѣче-

ской мысли, ея борешя, страданія, полеты, достиженія, восторги — только вогнутое зеркало, каррикатурно отражающее классовое господство буржуазіи. И надъ усмотрѣнными имъ каррикатурами онъ потѣшается.

Разумъ, возникающій изъ свободнаго изслѣдованія, ищущій свободной критики, безъ нихъ отмирающій, Ленинъ отметаетъ. Онъ принимаетъ лишь вторую часть ума: «разсудокъ» — способность использованія практическихъ вопросовъ дня и лавированія среди нихъ.

Онъ самъ опредѣляетъ свое пониманіе «ума» (примѣчаніе къ стр. 22 «Дѣтск. бол. лѣвиз. въ ком.»):

«Къ политикѣ и партіямъ примѣнимо — съ соотвѣтственными измѣненіями — то, что относится къ отдѣльнымъ людямъ. Уменъ не тотъ, кто не дѣлаетъ ошибокъ. Такихъ людей нѣтъ и быть не можетъ. Уменъ тотъ, кто дѣлаетъ ошибки не очень существенныя и кто умѣетъ четко и быстро исправлять ихъ».

Требованія къ уму — невысокія. Но нельзя ни съ кого спрашивать то, чего онъ не имѣетъ. И дѣйствія Ленина мы должны разсматривать съ точки зрѣнія его требованій.

Вождь можетъ совершать ошибки, легко и быстро исправимыя, и долженъ умѣть это дѣлать. Если же онъ это дѣлать не умѣетъ, или если его ошибки неисправимы, то онъ глупъ, въ вожди не годится, ибо ведетъ идущія за нимъ массы къ пораженію.

И не напрасно въ концѣ своей брошюры Ленинъ упоминаетъ о «честности съ собой».

Что означаетъ «честность съ собой», это почти карлейлевское требованіе къ герою исторіи?

«Честность съ собой» означаетъ вѣрность святынѣ своей жизни, неуклонное слѣдованіе велѣніямъ этой святыни, выполненіе всѣхъ ея предписаній.

Отступничество отъ завѣтовъ этой святыни означаетъ послѣднее паденіе, оскверненіе не извнѣ навязаннаго закона, а свободно избраннаго, свободно исповѣдуемаго «моего» закона, — ту извращенность своего

собственного существа, которую Ленинъ клеймитъ, какъ «низость», «подлость», «измѣну», «предательство».

Будемъ помнить, что Ленинъ примѣняетъ къ своимъ противникамъ моральныя требованія и высоко оцѣниваетъ значеніе морали.

Что же составляетъ святыню жизни Ленина?

Служеніе революціи въ согласіи съ его пониманіемъ марксизма. (То есть не всегда того, чему въ дѣйствительности учили Марксъ и Энгельсъ, а того, что онъ, Ленинъ, изъ ихъ ученія воспринялъ).

Примемъ со всѣми этими ограниченіями то, въ чемъ Ленинъ видитъ призваніе вождя, и обратимся къ разсмотрѣнію его дѣятельности.

* * *

Первымъ актомъ большевиковъ послѣ завоеванія ими власти было заключеніе брестъ-литовскаго мира.

Мы помнимъ, что страна явно выразила къ тому времени свое утомленіе войной и жажду прекратить ее.

Но какъ, какой цѣной?

Какой цѣной не только матеріальныхъ утратъ и національныхъ униженій, но и какой цѣной оскорбленія революціоннаго чувства?

Ибо въ то время Россія переживала одинъ изъ своихъ высокихъ революціонныхъ подъемовъ и не относилась безразлично къ тому, что «придетъ Вильгельмъ и отниметъ свободу».

Но не здѣсь было существо вопроса.

Однимъ изъ самыхъ возвышенныхъ и свѣтлыхъ вліяній революціи было то, что она разбудила и взлелѣяла въ народѣ чувство общности съ широкимъ міромъ страданія и угнетенія. Народъ позналъ свою отвѣтственность, — о, конечно, не предъ «союзниками», — а предъ великимъ братствомъ обреченныхъ убійству, смерти, сиротству, разоренію и нищетѣ.

И совѣсть, революціонная совѣсть, этотъ неумолкающій голосъ чуткаго благородства не позволяла просто уйти, повернуться спиной къ страждущимъ и умыть руки въ чашѣ очищенія отъ всякой вины.

И въ полномъ соотвѣтствіи съ этими настроеніями народа большевики провозглашали:

— Мы не заключимъ мира ни съ имперіалистами, ни съ кровавымъ Вильгельмомъ. Мы заключимъ демократическій миръ съ германскимъ пролетаріатомъ.

Брестскій миръ, подписанный большевиками, «не читая», былъ продиктованъ начальникомъ штаба принца Луитпольда Баварскаго, ген. Гофманомъ.

Трепетъ ужаса прошелъ по всѣмъ тѣмъ, кто въ неописуемыхъ мукахъ войны хотѣлъ видѣть искупительную жертву теперешнихъ поколѣній для дѣла освобожденія человѣчества.

Брестъ-литовскій миръ немедленно разбилъ Россію на части. Украйна отпала и цѣликомъ стала игрушкой въ рукахъ германскихъ имперіалистовъ. Огромнѣйшія естественныя богатства, сотни милліоновъ русскаго золота, экономическое закабаленіе русскихъ рабочихъ, цѣлыя территоріи стали достояніемъ германскаго имперіализма. Онъ торжествовалъ неслыханную въ исторіи побѣду. Онъ показывалъ своему народу чудовищные трофеи, какъ знакъ своей несокрушимой силы, какъ обѣтованіе новыхъ завоеваній и призывъ къ новымъ кровавымъ дѣламъ.

Имперіализмъ добился оправданія. Брестъ-Литовскъ увѣнчалъ его лаврами и короновалъ на новые кровавые замыслы.

А для народовъ Италіи, Франціи, Англіи Брестъ-Литовскъ сталъ знаменіемъ. Онъ сплотилъ рабочій классъ этихъ странъ съ ихъ имперіалистическими правительствами въ неразрывное цѣлое. Здѣсь всемірная соціальная реакція получала новыя, живительныя силы.

Ибо, если мартовская русская революція постоян-

ными призывами къ прекращенію кровопролитія пробуждала уснувшія чувства человѣчности, вызывала отвращеніе къ войнѣ, то Брестъ-Литовскъ доводилъ инстинктъ самозащиты до ожесточенной страсти.

Позоръ, духовное и экономическое рабство, принесенныя Брестъ-Литовскомъ, стали кошмаромъ. Призывы къ прекращенію убійствъ звучали бы теперь насмѣшкой. И никогда еще съ такимъ упорствомъ, дикимъ воодушевленіемъ люди дни и ночи не истребляли другъ друга, какъ въ послѣ-брестъ-литовскій періодъ войны.

Финалъ пятилѣтней трагедіи приближался. Изъ Брестъ-Литовска открывалась широкая и свободная дорога въ Версаль. И тамъ подъ звонъ колоколовъ и ревъ пушекъ имперіализмъ ликовалъ свою побѣду. Онъ не только не былъ посаженъ на скамью подсудимыхъ. Съ него не только не спрашивали отчета за десятки милліоновъ погубленныхъ жизней и моря пролитой крови. Его привѣтствовали кликами торжества и признательности.

Имперіализмъ началъ войну, и онъ же ее заканчивалъ. Всемірная соціальная реакція утверждалась въ умахъ, настроеніяхъ странъ-побѣдительницъ, въ ихъ политикѣ, въ ихъ расправѣ надъ побѣжденными.

Полными, безраздѣльными господами человѣчества остались тѣ же, кто подготовлялъ и совершалъ надъ нимъ казнь.

И первымъ, кричащимъ слѣдствіемъ Версаля было расширеніе окоповъ и укрѣпленіе проволочныхъ загражденій, пять лѣтъ раздѣлявшихъ пролетаріатъ на чуждые другъ другу, враждебные отряды. Эти окопы и проволочныя загражденія перестали существовать физически, но они превратились въ еще болѣе непреодолимое препятствіе — психологическое. Пролетаріатъ оказался разбитымъ на побѣдителей и побѣжденныхъ, говорившихъ на разныхъ языкахъ и не понимавшихъ другъ друга.

Возможность всемірности соціальной революціи была убита.

Діалектическій матеріализмъ, на которомъ Ленинъ построилъ свою теорію превращенія имперіалистской войны въ войну гражданскую, въ рукахъ Ленина оказался плохимъ инструментомъ. Побѣда имперіалистовъ завершала собой всемірную реакцію и угашала всѣ вспышки всемірной революціи.

А между тѣмъ на непоколебимой увѣренности въ ней, на убѣжденіи въ ея несомнѣнномъ рожденіи и неуклонномъ ростѣ Ленинъ строилъ свою внѣшнюю и внутреннюю политику.

Три года онъ строилъ на этой увѣренности и этомъ убѣжденіи свою политику. Три года онъ не переставалъ твердить, что искры россійскаго пожара уже зажгли Европу, что ее уже охватило пламя соціальной революціи, и европейскій пролетаріатъ спѣшитъ на помощь россійскому. На четвертый годъ онъ сталъ говорить о томъ, что соціальная революція на Западѣ развивается слишкомъ медленно, и теперь готовъ смѣяться надъ тѣми, кто склоненъ вѣрить въ происходящую будто бы нынѣ всемірную соціальную революцію.

Сказалъ-ли онъ гдѣ-нибудь, что въ своихъ расчетахъ и построеніяхъ онъ сдѣлалъ ошибку, «очень существенную», — такую, какую нельзя «легко и быстро исправить»? Иными словами, сказалъ-ли онъ, что онъ совершилъ «преступленіе» противъ рабочаго класса, противъ революціи, т. е. что былъ «нечестенъ съ самимъ собой», нарушилъ святыню своей жизни?

Какъ до заключенія брестъ-литовскаго мира, такъ и послѣ него большевики скрывали его истинный смыслъ и значеніе. Среди охватившей всѣхъ тревоги и смущенія Ленинъ сначала говорилъ, что Брестъ-Литовскъ является лишь «передышкой», «Тильзитомъ». Затѣмъ въ своихъ тезахъ онъ заявилъ, что послѣ завоеванія пролетаріатомъ власти большевики перестаютъ быть пораженцами и становятся оборонцами.

Формула: «у пролетаріата нѣтъ отечества» теряла право на существованіе, ибо у пролетаріата теперь было соціалистическое отечество.

И въ самое послѣднее время Ленинъ объявляетъ брестъ-литовскій миръ компромиссомъ. Въ своемъ поученіи лѣвымъ коммунистамъ онъ вводитъ компромиссъ въ систему революціонной политики и образцомъ его выставляетъ именно брестъ-литовскій миръ.

Вотъ ходъ его разсужденій:

«Представьте себѣ, что вашъ автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете имъ деньги, паспортъ, револьверъ, автомобиль. Вы получаете избавленіе отъ пріятнаго сосѣдства съ бандитами. Компромиссъ на лицо, несомнѣнно. «Do ut des» («даю» тебѣ деньги, оружіе, автомобиль, «чтобы ты далъ» мнѣ возможность уйти по-добру, по-здорову). Но трудно найти не сошедшаго съ ума человѣка, который объявилъ бы подобный компромиссъ «принципіально недопустимымъ» или объявилъ лицо, заключившее такой компромиссъ, соучастникомъ бандитовъ (хотя бандиты, сѣвъ на автомобиль, могли использовать его и оружіе для новыхъ разбоевъ). Нашъ компромиссъ съ бандитами германскаго имперіализма былъ подобенъ такому компромиссу.

«А вотъ, когда меньшевики и эсеры въ Россіи, шейдемановцы (и въ значительной мѣрѣ каутскіанцы) въ Германіи, Отто Бауэръ и Фридрихъ Адлеръ (не говоря уже о г.г. Реннерахъ и Ко.) въ Австріи, Ренодели и Лонгэ съ Ко. во Франціи, фабіанцы, «независимцы» и «трудовики» («лабуристы») въ Англіи заключали въ 1914—1918 и 1918—1920 годахъ компромиссы съ бандитами своей собственной, а иногда и «союзной» буржуазіи противъ революціоннаго пролетаріата своей страны, вотъ тогда всѣ эти господа поступали, какъ соучастники бандитизма».

И далѣе:

«Надо учиться отличать человѣка, который далъ

бандитамъ деньги и оружіе, чтобы уменьшить приносимое бандитами зло и облегчить дѣло поимки и разстрѣла бандитовъ, отъ человѣка, который даетъ бандитамъ деньги и оружіе, чтобы участвовать въ дѣлежѣ бандитской добычи». («Дѣт. бол.», стр. 23 и 24).

Допустимъ, что всѣ эти разсужденія построены правильно и вѣрно опредѣляютъ «принципіальную допустимость» компромиссовъ.

Но Ленинъ вводитъ въ свои разсужденія понятіе цѣлесознательности. Онъ говоритъ объ одномъ человѣкѣ, который совершаетъ опредѣленныя дѣйствія, «ч т о б ы». И противопоставляетъ ему другого человѣка, который также совершаетъ опредѣленныя дѣйствія, «ч т о б ы».

Первый человѣкъ (большевики) вступалъ съ бандитомъ (т. е. всемірнымъ имперіализмомъ) въ компромиссъ, «ч т о б ы уменьшить приносимое имъ зло и облегчить дѣло поимки и разстрѣла бандитовъ».

Второй человѣкъ (эсеры, меньшевики, «каутскіанцы» и вообще вожди 2 Интернаціонала) вступалъ съ бандитомъ (тѣмъ же всемірнымъ имперіализмомъ) въ компромиссъ, «ч т о б ы участвовать въ дѣлежкѣ бандитской добычи».

Въ своемъ послѣднемъ утвержденіи Ленинъ, конечно, допускаетъ сознательное искаженіе исторіи. Мы знаемъ, что эсеры, меньшевики и всѣ, на кого онъ обрушивается со своими обвиненіями, во все продолженіе войны проповѣдовали прекращеніе ея безъ побѣдителей и побѣжденныхъ, «безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ». То есть — безъ всякой «добычи».

Но одно дѣло — моя субъективная цѣль. Другое — объективные результаты моихъ дѣйствій. Возьмемъ грубый, даже карикатурный примѣръ. Я отрубаю кому-нибудь голову, чтобы подвергшійся моей операціи не страдалъ больше головной болью. Моя субъективная цѣль — избавленіе отъ головныхъ болей; объективные

результаты моихъ дѣйствій — лишеніе человѣка жизни.

Большевики заключили брестъ-литовскій миръ, чтобы уменьшить приносимое всемірнымъ имперіализмомъ зло и облегчить дѣло его поимки и разстрѣла.

Такова была ихъ цѣль. Каковы были результаты ихъ дѣйствій? Уменьшили ли они зло? Облегчили ли побѣду пролетаріата надъ имперіализмомъ?

Сначала они обогатили всемірный имперіализмъ въ лицѣ его германскаго представителя неслыханной добычей, а затѣмъ тому же всемірному имперіализму въ лицѣ Антанты они открыли широкій и невозбранный путь въ Версаль.

Бандитъ не только не изловленъ, не разстрѣлянъ, но продолжаетъ творимое имъ зло и готовитъ еще болѣе страшное.

Чего хотѣли эсеры, меньшевики и вообще вожди второго Интернаціонала, когда голосовали военные кредиты и объявляли гражданскій миръ?

Уменьшенія зла, причиняемаго всемірнымъ имперіализмомъ, и прекращенія войны безъ «добычи» для какой бы то ни было стороны.

Результаты ихъ дѣйствій?

Версаль, гигантская добыча, торжество имперіализма, раздѣленіе всемірнаго пролетаріата на побѣдителей и побѣжденныхъ и т. д.

Какой отсюда выводъ?

И будущіе вожди 3 Интернаціонала, и тогдашніе вожди второго сдѣлали «очень существенную ошибку», которую нельзя «легко и быстро исправить».

Что значитъ, однако, «существенная ошибка»?

«Существенной» является не только ошибка, влекущая за собой тяжкія и непоправимыя послѣдствія. «Существенной» является ошибка, заранѣе, почти завѣдомо ясная. И, чѣмъ яснѣе заранѣе ошибочность извѣстнаго поведенія, тѣмъ вина толкающихъ къ нему ужаснѣе.

Ошибочность поведенія, какъ вождей 2 Интернаціонала, такъ и большевиковъ была ясна и неопровержима.

Какой выводъ дѣлаетъ Ленинъ изъ всѣхъ этихъ фактовъ?

Онъ клеймитъ вождей 2 Интернаціонала за «подлость», «низость», «измѣну», «предательство» по отношенію къ революціонному пролетаріату. Поведеніе же свое и руководимой имъ партіи онъ называетъ образцомъ компромисса.

Въ той же брошюркѣ («Дѣтск. бол.») Ленинъ, какъ на одинъ изъ попутныхъ благодѣтельныхъ результатовъ брестъ-литовскаго мира, указываетъ на разложеніе германской арміи на Украинѣ отъ постоянныхъ столкновеній съ революціоннымъ пролетаріатомъ.

Здѣсь Ленинъ впадаетъ въ явное противорѣчіе съ дѣйствительностью. Германская армія разлагалась уже давно подъ вліяніемъ безнадежности войны, нищеты и голода внутри Германіи. Брестъ-литовскій миръ укрѣпилъ ея духъ, воодушевилъ возможностью скораго окончанія войны и избавленія отъ лишеній, а главное — наполнилъ ее подъемомъ охватившаго всю Германію торжества.

На Украинѣ же войска германскаго императорскаго правительства въ точности исполняли всѣ его реакціонные приказы: истребляли отдѣльные отряды красной арміи, поддерживали Краснова на Дону, насаждали и укрѣпляли гетманщину, арестовывали, депортировали, интернировали и разстрѣливали стачечниковъ и варварски подавляли возстававшихъ крестьянъ. Въ свою очередь революціонный пролетаріатъ и возстававшіе крестьяне пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ для безжалостнаго истребленія отдѣльныхъ частей германской арміи.

Такъ или иначе брестъ-литовскій миръ былъ сигналомъ къ переходу отъ отдѣльныхъ стычекъ къ правильному образованію фронтовъ гражданской войны. Теперь она закипѣла на всемъ пространствѣ Россіи

Каковы же прямыя и конечныя цѣли гражданской войны въ пониманіи Ленина, каковы его средства для осуществленія этихъ цѣлей, и насколько въ этой области онъ соблюдаетъ предъявляемыя имъ самимъ требованія къ вождю: умъ и честность съ собой?

* * *

Два основныхъ понятія цѣликомъ заполняютъ содержаніе и назначеніе гражданской войны: государство и демократія. Ихъ подробному разсмотрѣнію Ленинъ посвящаетъ свою книгу: «Государство и революція». Въ ней онъ во всей полнотѣ освѣщаетъ свое пониманіе «диктатуры пролетаріата» и точно опредѣляетъ задачи революціоннаго пролетаріата въ эпоху достиженія имъ власти*).

Что такое государство? — спрашиваетъ Ленинъ и отвѣчаетъ словами Энгельса:

Государство есть форма организованнаго властвованія одного класса надъ другимъ.

Пролетаріатъ въ своемъ стремленіи къ самоосвобожденію организуетъ такой порядокъ производства, при которомъ прекращается дѣленіе общества на классы съ непримиримыми, враждебными интересами. Съ уничтоженіемъ классоваго дѣленія исчезаетъ и форма насильственнаго подчиненія одного класса другому — государство. Оно становится ненужнымъ и «отмираетъ».

Какимъ путемъ пролетаріатъ достигаетъ своей цѣли?

Прежде всего путемъ превращенія изъ класса подчиненнаго въ классъ господствующій. Онъ беретъ въ свои руки всю власть и мѣрами насилія держитъ въ своемъ полномъ подчиненіи низвергнутый, но еще борющійся классъ эксплоататоровъ.

---

*) Я пользуюсь нѣмецкимъ изданіемъ этой книги: „Staat und Revolution". Verlag „Die Aktion".

Первой основой, первымъ камнемъ въ фундаментѣ новаго общественнаго строя является отчужденіе всѣхъ средствъ производства изъ частнаго обладанія въ собственность новаго государства на пользу всего общества.

(Замѣтимъ эти слова: «на пользу всего общества». Въ коммунистическомъ манифестѣ Маркса и Энгельса эта мысль выражена еще сильнѣе: «Пролетаріатъ используетъ свою политическую власть для того, чтобы постепенно изъять отъ буржуазіи весь капиталъ, централизовать всѣ средства производства въ рукахъ государства, т. е. организованнаго въ господствующій классъ пролетаріата, и возможно быстро умножить количество производительныхъ силъ»).

Итакъ, пролетаріатъ становится господствующимъ классомъ, дѣлается верховнымъ руководителемъ государства.

Какого, именно, государства?

Новаго государства, построеннаго на новыхъ началахъ производственныхъ отношеній, а потому — и новой политики.

Каковы же его отношенія къ старому государству?

Старое государство пролетаріатъ взрываетъ, уничтожаетъ, разрушаетъ.

Что значитъ, однако, «разрушить государство»? Значитъ ли это уничтожить его телеграфъ, почту, его хозяйственную жизнь, обратить его въ кладбище?

Нѣтъ! Такъ какъ государство есть лишь форма властвованія одного класса надъ другимъ, то пролетаріатъ разрушаетъ старую форму и замѣняетъ ее новой, своей.

Весь періодъ — разрушенія буржуазной формы государства, созданія на его мѣстѣ пролетарскаго государства, дальнѣйшихъ завоеваній вплоть до такого общественнаго устройства, когда всякое насиліе становится ненужнымъ и государство отмираетъ, — Марксъ и Энгельсъ называютъ «диктатурой пролетаріата».

Къ этому Ленинъ добавляетъ, что высшей формой

общественнаго устройства, конечнымъ завершеніемъ человѣческаго освобожденія является коммунизмъ. Переходную же ступень отъ капитализма къ коммунизму образуетъ соціализмъ.

Нигдѣ Марксъ и Энгельсъ не разработали точной програмы дѣятельности пролетаріата въ періодъ его диктатуры. Но они дали цѣлый рядъ руководящихъ указаній, которыя Ленинъ и приводитъ въ своей книгѣ, какъ высшій законъ.

Говоря о буржуазномъ государствѣ, Энгельсъ бѣгло характеризуетъ его, какъ государство съ политической полиціей, тюрьмами и иными органами и средствами насилія, съ коррупціей и продажностью чиновничества и т. д.

Вотъ, что говоритъ Марксъ объ этомъ государствѣ въ своемъ трудѣ «18 Брюмера Луи Бонапарта»:

«Эта исполнительная власть — съ ея чудовищной бюрократической и военной организаціей, съ ея широко раскиданнымъ и искусственнымъ государственнымъ аппаратомъ, арміей чиновниковъ въ полъ-милліона наряду съ военной арміей въ другіе полъ-милліона, это страшное паразитическое гнѣздо, подобно гангренѣ обвивающееся вокругъ организма французскаго общества и закупоривающее всѣ его поры, — возникла въ періодъ абсолютной монархіи, при гніеніи феодализма...» (Staat und Revolution, стр. 26).

И въ соотвѣтствіи съ такимъ своимъ взглядомъ на буржуазное государство Марксъ пишетъ Кугельману во время парижской Коммуны:

«Если ты прочтешь послѣднюю главу моего «18 Брюмера», то увидишь, что ближайшимъ начинаніемъ французской революціи я опредѣляю не передачу, какъ до сихъ поръ, изъ однѣхъ рукъ въ другія б ю р о к р а т и ч е с к и - м и л и т а р и с т с к о й м а ш и н ы, а ея разрушеніе» (St. u. R., стр. 33).

Марксъ здѣсь ясно говоритъ о разрушеніи бюрократически-милитаристской машины. И Ленинъ этимъ

«двумъ паразитамъ» (бюрократизму и милитаризму) посвящаетъ цѣлый рядъ страницъ.

Онъ указываетъ на то, что въ произведеніяхъ Маркса и Энгельса неуклонно повторяется одна и та же мысль: постоянное войско и бюрократія являются самыми важными частями буржуазно-государственной машины, тысячами нитей связанными съ буржуазіей.

Отъ себя Ленинъ добавляетъ:

«Опытъ каждаго рабочаго освѣщаетъ эту связь вполнѣ законченно и выразительно. Рабочій классъ на собственной спинѣ изучаетъ эту связь.» (St. u. Rev., стр. 28).

Въ своей книгѣ «Гражданская война во Франціи» Марксъ еще точнѣе намѣчаетъ тѣ принципы, которыми пролетаріатъ долженъ руководиться въ періодъ своей диктатуры.

Онъ говоритъ:

«Провозглашеніе «соціальной республики», которымъ парижскій пролетаріатъ началъ февральскую революцію, выражало лишь неоформленное стремленіе къ республикѣ, которая должна была устранить не только монархическую форму классоваго господства, но и самое классовое господство».

И вотъ, — говоритъ Марксъ, — «первымъ декретомъ Коммуна упраздняла постоянное войско и замѣняла его всеобщимъ вооруженіемъ народа».

Дальше:

«Коммуна образовалась изъ городскихъ совѣтовъ, избранныхъ въ различныхъ округахъ Парижа на основѣ всеобщаго избирательнаго права (замѣтимъ: всеобщаго). Они были отвѣтственны и во всякое время могли быть отозваны. Большинство ихъ состояло, само собой разумѣется, изъ рабочихъ или признанныхъ представителей рабочаго класса.

«Полиція, до сихъ поръ инструментъ государственной власти, тотчасъ же была лишена всѣхъ своихъ политическихъ функ-

цій (курсивъ мой. В. С.) и была превращена въ отвѣтственное и во всякое время смѣняемое орудіе Коммуны. Точно такъ же и чиновники всевозможныхъ отраслей управленія». (St u. Rev. стр. 37).

Всѣ эти мысли Маркса получаютъ законченное освѣщеніе въ предисловіи Энгельса къ третьему изданію «Гражданской войны во Франціи». Предисловіе это, — говоритъ Ленинъ, — написано черезъ 20 лѣтъ послѣ Коммуны и представляетъ собою «чрезвычайно рельефную сводку» ея поученій. Оно «по праву можетъ быть названо послѣднимъ словомъ марксизма по данному вопросу» (по вопросу объ отношеніяхъ къ государству. В. С.) (St. u Rev, стр. 68).

Что же говоритъ Энгельсъ?

«Именно порабощающая сила бывшей до того времени централизованной правительственной власти: армія, политическая полиція, бюрократія, — которыя создалъ въ 1798 году Наполеонъ и которыя съ тѣхъ поръ каждое новое правительство принимало, какъ благодѣтельное орудіе, используя ихъ противъ своихъ противниковъ, — именно эта сила должна была пасть повсемѣстно, какъ она уже пала въ Парижѣ.

«Коммуна должна была немедленно признать, что рабочій классъ, однажды придя ко власти, не можетъ дѣйствовать со старой государственной машиной; что рабочій классъ, дабы не лишиться своей собственной, только что завоеванной власти, долженъ, съ одной стороны, упразднить всѣ старыя, противъ него самого использованныя орудія порабощенія, съ другой стороны, долженъ обезопасить себя отъ своихъ-же собственныхъ полномочныхъ и чиновниковъ путемъ провозглашенія «смѣняемости ихъ всѣхъ, безъ исключенія во всякое время».

«Противъ обязательнаго для всѣхъ прежнихъ государствъ превращенія государства и его органовъ изъ слугъ общества въ господъ надъ обществомъ Коммуна примѣнила два безошибочныхъ средства. Во-первыхъ,

она отвела всѣ мѣста, руководящія, направляющія, разъясняющія, лицамъ, избраннымъ персоналами на основѣ всеобщаго избирательнаго права и при обязательномъ отозваніи ихъ во всякое время тѣми же персоналами. Во-вторыхъ, она платила за всякую службу, какъ высшую, такъ и низшую, такое же жалованье, какое получали всѣ рабочіе. Высшій окладъ, какой она платила вообще, достигалъ 6000 франковъ». (St. u. Rev., стр. 70, 71).

Ограничимся покуда приведенными выписками. Всѣ онѣ взяты не изъ первоисточника, а изъ книги Ленина. Онъ воспроизводитъ ихъ, какъ вѣхи своей дѣятельности. Въ сужденіяхъ Энгельса онъ видитъ «послѣднее слово марксизма», — единственно для него святого ученія.

Прослѣдимъ и мы работу Ленина по имъ самимъ избраннымъ указателямъ. Посмотримъ, въ какомъ соотвѣтствіи находится она съ имъ самимъ намѣченными путями.

И будемъ помнить, что за каждымъ словомъ этой сухой схемы скрывается безмѣрный ужасъ самаго страшнаго братоубійства — гражданской войны съ ея голодомъ, нищетой, безвинной гибелью дѣтей и всеобщимъ запустѣніемъ.

* *
*

Итакъ, первымъ актомъ пролетаріата, пришедшаго къ власти, должно быть отчужденіе всѣхъ средствъ производства изъ частнаго обладанія въ собственность новаго государства.

Съ какой цѣлью?

Съ цѣлью, — отвѣчаютъ Марксъ и Энгельсъ, — обращенія ихъ на пользу всего общества. И больше того — съ цѣлью возможно быстраго умноженія производительныхъ силъ.

Такимъ образомъ, отчужденіе всѣхъ средствъ производства и обращеніе ихъ на пользу всего общества

должны происходить одновременно. Иначе хозяйственная основа власти пролетаріата — единственная основа всякой власти вообще — подрывается въ корнѣ.

Теперь, послѣ трехъ съ половиной лѣтъ господствованія большевиковъ нѣтъ нужды распространяться о томъ, что объ использованіи, хотя бы самомъ скромномъ, отчужденныхъ средствъ производства не можетъ быть и рѣчи. Крайняя степень нищеты, въ которую погружена вся Россія, невѣроятный упадокъ ея сельскаго хозяйства, въ конецъ разоренный транспортъ, бездѣйствующіе фабрики и заводы, голодное вымираніе населенія свидѣтельствуютъ предъ современностью и исторіей о томъ, какъ безмѣрно убита производительность въ новомъ, созданномъ большевиками государствѣ.

Большевики, во главѣ съ Ленинымъ, объясняютъ эти трагическія явленія послѣдствіями войны.

Но почему тогда даже страны побѣжденныя — Германія, Австрія, Венгрія, Болгарія — не надѣленныя и въ приблизительной долѣ такими неисчерпаемыми и разнообразными природными богатствами, какъ Россія, не испытываютъ и тѣни ея страданій? Почему, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ послѣ прекращенія войны, Германія, со всѣхъ сторонъ сдавленная, со всѣхъ сторонъ урѣзанная, со всѣхъ сторонъ оккупируемая, подъ пятой побѣдителей стала почти неузнаваемой, быстро залѣчиваетъ раны войны и энергично развиваетъ свою производительность?

Но, добавляютъ большевики, всѣ эти страны не испытали на себѣ — или испытали не въ такой мѣрѣ — тяготъ гражданской войны.

Значитъ, если отчужденіе средствъ производства не можетъ совпасть съ ихъ немедленнымъ использованіемъ въ интересахъ всего общества и съ возможно быстрымъ умноженіемъ производительныхъ силъ, оно — не въ интересахъ пролетаріата?

— Нѣтъ, въ интересахъ, — отвѣчаетъ Ленинъ, ибо, несмотря на результаты болѣе чѣмъ трехлѣтняго

русскаго опыта, онъ поучаетъ Каутскаго въ брошюркѣ, изданной по-нѣмецки подъ названіемъ („Kundgebungen“ Verlag „Die Aktion“, стр. 37):

«Экономистъ Каутскій забылъ, что главнѣйшимъ, основнымъ, всеохватывающимъ «хозяйственнымъ условіемъ» является спасеніе рабочаго, когда страна разрушена войной и доведена до края пропасти. Когда рабочій классъ будетъ спасенъ отъ голодной смерти, отъ прямой гибели, тогда разрушенное производство можетъ быть возстановлено. И, чтобы спасти рабочій классъ, необходима диктатура пролетаріата, — единственное средство помѣшать тому, что тяготы и слѣдствія войны будутъ взвалены на плечи рабочихъ».

Когда рабочій классъ будетъ спасенъ отъ голодной смерти, — говоритъ Ленинъ, — тогда разрушенное производство можетъ быть возстановлено.

Но какъ же спасать рабочій классъ отъ голодной смерти, пока производство остается разрушеннымъ? Какими средствами? Откуда ихъ взять, когда ничего не производится для утоленія голода, для устраненія холода, для изготовленія одежды?

Ленинъ изъ ученія Маркса и Энгельса усвоилъ формулу объ отчужденіи (экспропріаціи), но вторую, сложную и важнѣйшую часть объ условіяхъ, при которыхъ отчужденіе идетъ на пользу всего общества, облегчаетъ быстрое умноженіе производительныхъ силъ, а главное — можетъ быть удержано пролетаріатомъ, онъ оставилъ безъ вниманія.

И теперь въ неразрѣшимой дилеммѣ: какъ спасти рабочій классъ отъ прямой гибели, не возстанавливая разрушеннаго производства, или какъ возстановить производство, бросивъ рабочій классъ на произволъ судьбы, — онъ довольствуется повтореніемъ пройденнаго: «диктатура пролетаріата».

Впрочемъ, онъ пытается исправить свою ошибку. Какимъ образомъ, — мы увидимъ ниже.

Подойдемъ къ осуществленію Ленинымъ диктатуры

пролетаріата по руководствамъ, имъ самимъ избраннымъ и признаваемымъ имъ послѣднимъ словомъ марксизма.

Мы помнимъ, что Марксъ изъ опыта парижской Коммуны вывелъ необходимость для возставшаго пролетаріата разрушить бюрократически-милитаристскую машину, уничтожить бюрократію и постоянное войско, — «эти два источника величайшихъ тратъ», по выраженію Маркса.

Затѣмъ Марксъ на дѣйствіяхъ Коммуны строитъ обязательность для завоевавшаго власть пролетаріата немедленно лишить полицію ея политическихъ функцій, т. е. прекратить существованіе шпіоновъ, провокаторовъ, охранныхъ отдѣленій, особаго корпуса жандармовъ, всей той гнусной мрази, безъ которой буржуазное государство не можетъ существовать.

Энгельсъ въ дополненіе къ выводамъ Маркса поясняетъ, что парижская Коммуна — въ отличіе отъ всѣхъ прежнихъ правительствъ — уничтожила п о р а б о щ а ю щ у ю силу: армію, политическую полицію, бюрократію. Энгельсъ говоритъ, что всѣ прежнія правительства пользовались этой порабощающей силой для угнетенія своихъ противниковъ. Коммуна же отвергла такой способъ борьбы.

И въ развитіе своего гуманнаго и высоко-идеалистическаго взгляда (дальше мы увидимъ широкія проявленія этого идеализма и гуманности Энгельса) онъ указываетъ, что рабочій классъ долженъ былъ устранить всѣ эти средства порабощенія, потому что они мѣшаютъ ему утверждать свою власть; потому что рабочій классъ, пользуясь тѣми средствами порабощенія своихъ противниковъ, которыя они раньше примѣняли къ нему, можетъ лишиться своей, только-что завоеванной власти.

Съ другой стороны, чтобы обезопасить себя отъ своихъ же собственныхъ полномочныхъ и чиновниковъ, новое государство, руководимое рабочимъ классомъ, провозгласило смѣняемость всѣхъ ихъ во всякое время.

Новое государство, созданное рабочимъ классомъ для

новыхъ заданій, для служенія обществу, должно было избѣжать опасности, бывшей непремѣннымъ свойствомъ стараго буржуазнаго государства, а именно превращенія самого государства и его исполнительныхъ органовъ въ самодовлѣющій организмъ, господствующій надъ обществомъ.

Для устраненія этой опасности Коммуна ввела избираемость, смѣняемость чиновничества и одинаковость жалованій для всѣхъ.

Вотъ пути диктатуры пролетаріата, какъ ихъ набрасываютъ Марксъ и Энгельсъ и какъ ихъ воспринимаетъ для своего руководства самъ Ленинъ.

Что же произошло въ дѣйствительности?

Мы знаемъ, что первымъ дѣломъ по достиженіи ими власти большевики занялись организаціей постоянной арміи, этого «инструмента власти», по выраженію Троцкаго. И еще сравнительно недавно устами комиссара Подвойскаго они заявили, что теперь еще не настало время для замѣны постояннаго войска милиціей.

Здѣсь поругано основное требованіе Маркса и Энгельса, чтобы новое государство, руководимое рабочимъ классомъ, не превращалось въ самодовлѣющую, стоящую надъ обществомъ организацію.

Мы знаемъ кромѣ того, что большевики, не довольствуясь формированіемъ постояннаго войска, дополнили его также постоянными наемными иноземными войсками изъ китайцевъ и военноплѣнныхъ.

Одновременно съ формированіемъ постоянной арміи большевики занялись возсозданіемъ политической полиціи. По всей странѣ раскинулась густая сѣть чрезвычайныхъ комиссій, руководимыхъ Всероссійской «Че-ка». Ея развѣтвленія охватываютъ всѣ города, села, деревни, фабрики, заводы, воинскія власти, каждое людское поселеніе. Сыскъ, шпіонажъ, доносъ, провокація объявлены революціонной добродѣтелью. Въ распоряженіи «чека» кромѣ спеціальныхъ вооруженныхъ агентовъ, исполняющихъ работу разстрѣловъ, имѣются

войска особаго назначенія, такъ-называемая «Вохра» (войска охраны). На помощь «чека» для массовыхъ экзекуцій призываются войска строевыя. Тюрьмы, которыя Энгельсъ относилъ къ спеціальнымъ особенностямъ буржуазнаго государства, настолько переполнены, что приходится создавать особые «лагеря для интернированныхъ».

Чрезвычайка по своей роли, по своимъ полномочіямъ и власти составляетъ уже не надстройку надъ государствомъ, а государство въ государствѣ. Ея агенты всесильны. Извѣстны факты, когда она отказывалась приводить въ исполненіе приказы народныхъ комиссаровъ, этихъ высшихъ представителей «рабоче-крестьянской власти». А сколько такихъ фактовъ осталось неизвѣстными?

И Ленинъ, который, какъ послѣднее слово марксизма, цитировалъ разъясненіе Энгельса, что рабочій классъ для сохраненія за собой власти отказывается отъ примѣненія къ своимъ противникамъ порабощающей силы, раньше примѣнявшейся къ нему, — Ленинъ состоитъ почетнымъ членомъ «чека».

Для него она высшій аргументъ, неопровержимый доводъ разума. И, пока у него спрашиваютъ, не явятся ли иностранные концессіонеры угрозой соціализму, онъ отвѣчаетъ успокоительно: — У насъ есть «чека». У насъ есть «губчека».

Кромѣ уничтоженія постоянной арміи и политической полиціи, Марксъ и Энгельсъ изъ опыта парижской Коммуны дѣлаютъ выводъ о необходимости для завоевавшаго власть рабочаго класса упразднить бюрократію.

Что такое бюрократія, бюрократизмъ?

Мы знаемъ, какъ опредѣляютъ бюрократію Марксъ и Энгельсъ. Это — армія паразитовъ, гангреной обвивающая организмъ общества, закупоривающая всѣ его поры, источникъ величайшихъ тратъ, особая каста, господствующая надъ обществомъ. Энгельсъ къ этой характеристикѣ добавляетъ еще коррупцію бюрократіи.

Ленинъ въ свою очередь рисуетъ бюрократію, какъ выдѣлившуюся изъ рядовъ общества и связанную своекорыстными интересами особую организацію, привилегированную и безнаказанную. Онъ посвящаетъ ей рядъ страницъ и убѣдительно разсказываетъ о ея губительной роли для пролетаріата.

Между прочимъ весь періодъ власти Временнаго Правительства онъ характеризуетъ такъ: «реформы откладывались, происходила дѣлежка чиновныхъ мѣстъ, и происходившія при дѣлежкѣ «ошибки» исправлялись спѣшнимъ перераспредѣленіемъ должностей.» (St. u. Rev., стр. 29.)

Картину, ярко и сильно набросанную Марксомъ, Энгельсомъ и Ленинымъ, необходимо дополнить еще одной чертой бюрократіи, — бюрократизмомъ, тѣмъ именно, что Марксъ бѣгло называетъ «закупоркой всѣхъ поръ общества». Бюрократизмъ — т. е. сведеніе всѣхъ жизненныхъ нуждъ, потребностей, интересовъ къ бумагѣ, подчиненіе бумагѣ всего человѣка, всего общества. Бюрократизмъ опутываетъ человѣка клубкомъ щупальцевъ, связываетъ его по рукамъ и ногамъ. Человѣкъ перестаетъ существовать, какъ самоцѣнная личность, какъ необходимый членъ общества, какъ полезный работникъ. Онъ — лишь приложеніе къ бумагѣ. Онъ и «препровождается при бумагѣ за №».

Марксъ и Энгельсъ требуютъ разрушенія этой машины, взрыва ея.

И мы знаемъ, что никогда еще въ исторіи всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ армія чиновничества не была такъ многочисленна, какъ теперь въ совѣтской Россіи. Никогда еще бюрократія такъ не властвовала надъ человѣкомъ и обществомъ, какъ именно теперь. Никогда еще каждый шагъ человѣка не зависѣлъ отъ массы учрежденій въ такой мѣрѣ, какъ въ наши дни въ совѣтской Россіи.

Говоря словами Маркса объ абсолютной монархіи при гніеніи абсолютизма, «чудовищная бюрократиче-

ская организація съ ея широко раскиданнымъ и искусственнымъ государственнымъ аппаратомъ» охватываетъ теперь всю Россію.

Марксъ и Энгельсъ отъ диктатуры пролетаріата требовали замѣны «всего этого страшнаго паразитическаго гнѣзда» избираемымъ и во всякое время смѣняемымъ чиновничествомъ.

И мы знаемъ, что «назначенство» получило теперь такое прочное право гражданства, что даже совѣтская печать не можетъ молчать о немъ, и вопросъ о бюрократіи, особой кастѣ, назначенцахъ вносится въ порядокъ дня на съѣздѣ коммунистической партіи и грозитъ ей расколомъ.

Мы видимъ, что Ленинъ вслѣдъ за Энгельсомъ повторяетъ обвиненія бюрократіи въ буржуазныхъ государствахъ въ коррупціи, продажности и злоупотребленіяхъ.

Исчерпать мѣру продажности совѣтской бюрократіи невозможно. Продажность эту, конечно, помимо другихъ причинъ, воспитываетъ безгласность жизни, отсутствіе свободы слова и печати и возникающая отсюда большая неуловимость преступленій бюрократіи и ихъ безнаказанность.

Но вотъ въ параллель къ исполненной справедливаго негодованія характеристикѣ, которую далъ Ленинъ правамъ въ періодъ Временнаго Правительства, приведемъ двѣ выписки изъ совѣтскихъ изданій.

«Неблагополучіе нашихъ руководящихъ командныхъ верховъ зависитъ отъ двухъ причинъ: съ одной стороны, къ намъ на командные руководящіе посты пробрались шкурническіе элементы, съ другой — долгое пребываніе у власти въ эпоху диктатуры возымѣло свое разлагающее вліяніе и на значительную часть старыхъ партійныхъ товарищей. Отсюда — крайне высокомѣрное, нетоварищеское отношеніе къ рядовымъ

членамъ партіи и къ безпартій-нымъ рабочимъ массамъ.

«Выработалась и создалась коммунистическая и іерархическая каста отвѣтственныхъ работниковъ со своими собственными групповыми интересами, которая чутко относится къ своимъ «маленькимъ слабостямъ», которая для себя имѣетъ особыя правила, законы, оцѣнки, не примѣняемые ко всѣмъ прочимъ... Къ нимъ примыкаетъ далѣе группа услужающихъ товарищей, готовыхъ для своихъ «высокихъ покровителей» изъ кожи вонъ лѣзть. Усердіе принимаетъ иногда чудовищные размѣры. Разсылаются спогсшибательныя телеграммы, подпимаются на ноги цѣлыя желѣзнодорожныя линіи, чтобы комиссарское превосходительство по пути не задерживалось, очищаются квартиры для достойнаго пріема, заготовляются и предоставляются специальные вагоны, поѣзда и автомобили, продукты и всякія другія излишества, и все это дѣлается усердствующей, прислуживающей средой подчасъ изъ партійныхъ товарищей, даже безъ особаго на то распоряженія со стороны «большого» товарища. Послѣдній только снисходительно это допускаетъ, старается не замѣчать существа дѣла и только милостиво пользуется предоставленными ему удобствами.

«Такіе нравы усиливаются все болѣе и болѣе среди верхнихъ слоевъ партіи».

Напечатано это въ «Правдѣ» за № 31. Авторъ этихъ строкъ — Сольцъ, членъ центральной контрольной комиссіи.

Вторая выписка изъ № 52 «Извѣстій В. Ц. И. К.»

«Въ организмѣ совѣтскаго государства существуютъ два разряда разъѣдающихъ его микробовъ. Одинъ — это пануны, хищники, протекціонисты, взяточники, рабы собственнаго брюха и брюхъ своихъ близкихъ. Они плотно всосались въ организмъ рабоче-крестьянскаго государства и безпощадно выса-

сываютъ изъ него все, что только удается. Ни ревтрибуналы, ни разстрѣлы, ни переводы съ одной работы на другую — ничто не въ состояніи остановить ихъ разрушительную работу... Второй разрядъ — это заторщики. Это — сознательные слуги контръреволюціи, примазавшіеся къ совѣтской власти. Заторщики это не саботажники. Ихъ наиболѣе дѣйствительная задача — заставить работать совѣтскій аппаратъ, но работать въ другую сторону».

Если бы Марксъ и Энгельсъ могли прочесть эти красочныя описанія прекрасно вырисованной касты высокомѣрныхъ «комиссарскихъ превосходительствъ» съ своими особыми законами и правилами; если бы они могли ознакомиться съ фигурами товарищей, пускающихъ въ ходъ государственный аппаратъ для удовлетворенія «маленькихъ слабостей высокихъ покровителей»; если бы они могли взглянуть на эту армію «цапуновъ, хищниковъ, протекціонистовъ, взяточниковъ», — они увѣренно и безошибочно опредѣлили бы: это — паразитическое гнѣздо абсолютной монархіи при гніеніи феодализма.

И, конечно, они остались бы вѣрны своему выводу:

— Вся эта машина должна быть взорвана, разрушена.

Относительно же «дѣлежки чиновныхъ мѣстъ» — нѣсколько фактовъ.

«Осинскій, принципіально протестовавшій противъ захвата власти «Совнаркомомъ», фактически получилъ и принялъ назначеніе на должность замѣстителя «Наркомзема» (народнаго комиссара земледѣлія); Лутовиновъ, требовавшій $^2/_3$ мѣстъ для рабочихъ и крестьянъ, удовольствовался созданіемъ для него должности втораго секретаря В. Ц. И. К.; Шляпниковъ, выступавшій съ рѣзкой критикой, попалъ въ центральный комитетъ большевистской партіи». («Соврем. Записки», IY, стр. 366).

Тутъ налицо и дѣлежка мѣстъ и «исправленіе ошибокъ при дѣлежкѣ спѣшнымъ перераспредѣленіемъ должностей».

Однимъ изъ могучихъ средствъ для созданія новой государственной машины, при которой бюрократія оставалась бы слугой общества и не могла превратиться въ особую командующую касту, — Энгельсъ, какъ мы видѣли, считалъ уравненіе всѣхъ чиновниковъ въ жалованьи съ рабочими.

Ленинъ этому средству посвятилъ рядъ восторженныхъ строкъ и даже возмущался тѣми большевиками, «которые для отдѣльныхъ городовъ требуютъ жалованье въ 9000 рублей. вмѣсто максимума для всего государства въ 5000 руб.» (St. u. Rev., стр. 71).

Но вотъ въ брошюркѣ «Ближайшія задачи совѣтской власти» Ленинъ дѣлаетъ признаніе:

> «Мы должны были обратиться къ старому буржуазному средству и согласиться н а о ч е н ь в ы с о к у ю о п л а т у крупнѣйшихъ изъ буржуазныхъ спеціалистовъ за ихъ «служебныя услуги»... Ясно, что такая мѣра является компромиссомъ, отклоненіемъ отъ принциповъ парижской Коммуны и всякой пролетарской власти... Ясно, что такая мѣра означаетъ не только остановку — въ извѣстной области и въ извѣстной степени — наступленія на капиталъ, но и шагъ назадъ нашей соціалистической совѣтской власти. (Цитирую по Каутскому «Терроризмъ и Коммунизмъ», стр. 191).

* * *

Мы подробно ознакомились со всѣмъ тѣмъ, что Ленинъ считаетъ обязательнымъ для диктатуры пролетаріата по отношенію къ государству. Руководящія указанія въ этой области онъ почерпаетъ у основоположниковъ революціоннаго марксизма — Маркса и Энгельса. Всякое «уклоненіе» отъ этихъ указаній, всякое ихъ «искаженіе» или «замалчиваніе» вождями

второго Интернаціонала Ленинъ клеймитъ, какъ «измѣну, предательство, низость, подлость, продажность».

Мы видѣли, какъ Ленинъ осуществилъ руководящія указанія Маркса и Энгельса.

Говоря о государствѣ, Марксъ и Энгельсъ, имѣли въ виду не матеріальное цѣлое, а форму организованнаго властвованія одного класса надъ другимъ.

Ленинъ воскресилъ форму абсолютной монархіи при гніеніи феодализма: постоянное войско, политическую полицію, сыскъ, шпіонажъ, провокаторство, тюрьмы для политическихъ противниковъ вплоть до лагерей для интернированныхъ; бюрократію, выросшую въ самодовлѣющую, властвующую касту съ особыми законами, привилегіями, невозбраннымъ использованіемъ государственнаго достоянія въ личную пользу, взяточниками, хищниками и протекціей.

Ленинъ ввелъ въ повседневный обиходъ назначаемую бюрократію вмѣсто избираемой, и коррупція, продажность и взяточничество пышно процвѣтаютъ въ этомъ «гнѣздѣ паразитовъ». Оппозиція получаетъ видныя мѣста, и происходитъ дѣлежка выгодныхъ должностей.

Наконецъ, Ленинъ упразднилъ орудіе самозащиты пролетарскаго государства отъ своихъ полномочныхъ и чиновниковъ: равенство оплаты труда.

Разрушенной и взорванной оказалась не форма, а матеріальное цѣлое. Форма же возстанавливаетъ цѣликомъ прототипъ абсолютной монархіи при гніеніи феодализма.

Для властвованія какого же класса надъ другимъ классомъ служитъ эта воскрешенная форма? Иначе говоря, кто, какія группы, какіе слои получаютъ всѣ преимущества отъ этой формы властвованія, и какіе несутъ на себѣ всѣ ея тяготы?

На эти вопросы мы отвѣтимъ ниже.

Теперь мы перейдемъ ко второй части содержанія гражданской войны — къ демократіи.

* * *

Каковы положительныя задачи диктатуры пролетаріата, взрывающей и разрушающей форму буржуазнаго государства?

На этотъ вопросъ коммунистическій манифестъ Маркса и Энгельса отвѣчаетъ:

— Завоеваніи демократіи.

Но что такое демократія?

Точнаго и исчерпывающаго объясненія этого понятія нельзя, быть можетъ, найти во всей міровой литературѣ. Это значитъ, что оно такъ же огромно и текуче, какъ сама жизнь. Оно постоянно расширяется, углубляется и вмѣстѣ съ новыми завоеваніями жизни наполняется новымъ содержаніемъ.

И мы можемъ принять такое приблизительное толкованіе демократіи вообще:

— Демократія есть форма раскрѣпощенія угнетенныхъ классовъ, а съ ними и всего человѣчества.

Какъ государство есть форма организованнаго властвованія одного класса надъ другимъ, такъ демократія есть форма организованнаго освобожденія классовъ отъ давящаго ихъ порабощенія.

Но по мысли Ленина, вмѣстѣ съ отмираніемъ государства отмираетъ и демократія, и при окончательномъ завоеваніи человѣчествомъ его соціальныхъ цѣлей, при полномъ осуществленіи коммунизма безслѣдно исчезнетъ какъ государство, такъ и демократія.

Ибо, говоритъ онъ:

«Демократія неидентична съ подчиненіемъ меньшинства большинству. Демократія есть государство, т. е. организація систематическаго насилія одного класса надъ другимъ, одной той части

населенія надъ другой, которая признаетъ подчиненіе меньшинства большинству».

И нѣсколькими строками выше:

«.....Демократія означаетъ признаніе такого именно принципа (подчиненія меньшинства большинству)» (St. u. Rev., стр. 75).

Такимъ образомъ, для Ленина демократія не является постоянной и неизмѣнной формой освобожденія человѣчества. Онъ не представляетъ себѣ, что человѣчество на высшей, окончательной ступени своего развитія — въ коммунистическомъ строѣ — будетъ организовано на началахъ полнаго, окончательнаго, завершеннаго торжества демократіи, что именно ея матеріальнымъ выраженіемъ будетъ свободное общество, не знающее ни цѣпей классоваго раздѣленія, ни цѣпей государства.

Для Ленина демократія есть именно государство. Для него демократія существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока существуетъ большинство, систематическимъ насиліемъ подчиняющее себѣ меньшинство.

И такъ какъ пролетаріатъ стремится къ уничтоженію классоваго дѣленія, а вмѣстѣ съ нимъ и классоваго господства, т. е. къ уничтоженію государства вообще, то онъ долженъ стремиться также и къ преодолѣнію демократіи.

Станемъ и мы на точку зрѣнія Ленина. Примемъ демократію такъ, какъ онъ ее понимаетъ.

Какія главныя завоеванія демократіи мы знаемъ до сихъ поръ?

Неприкосновенность личности, свободу слова и печати, свободу собраній и коалицій, уравненіе женщинъ въ правахъ съ мужчинами, всеобщее избирательное право, парламентаризмъ и т. д.

Ленинъ говоритъ:

«Здѣсь (въ области мѣропріятій Коммуны) особенно ясно обнаруживается различіе: между буржуазной демократіей и пролетарской, между демократіей эксплоатаціи и демократіей эксплоатируемыхъ классовъ, между

«публично-правовымъ насиліемъ» для подавленія опредѣленнаго класса и подавленіемъ эксплоататоровъ всеобщей силой народа, рабочихъ и крестьянъ». (St. u. Rev., стр. 38 и 39).

Итакъ, положительной задачей диктатуры пролетаріата Ленинъ ставитъ замѣну буржуазной демократіи демократіей пролетарской.

Но что такое буржуазная демократія? Значитъ ли, что она завоевана буржуазіей?

Нѣтъ, демократія эта завоевана пролетаріатомъ цѣной огромныхъ жертвъ, путемъ возстаній и революцій, но использована буржуазіей въ числѣ другихъ средствъ, какъ орудіе классоваго господства.

И Ленинъ спрашиваетъ, какая же это свобода печати при отсутствіи у пролетаріата бумаги и вообще матеріаловъ для размноженія нужныхъ ему произведеній литературы? Какая это свобода собраній при отсутствіи помѣщеній для собраній?

Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что вопросы Ленина намѣчаютъ невѣрную картину. Можно подумать, что пролетаріатъ лишенъ матеріальной возможности использовать свободу слова и собраній. Въ дѣйствительности мы знаемъ, что пролетарская печать (въ видѣ ежедневныхъ газетъ, брошюръ и агитаціонныхъ изданій) достигла колоссальнаго развитія — особенно въ Германіи и Англіи, — что пролетаріатъ собирается не только подъ открытымъ небомъ, но и въ огромныхъ помѣщеніяхъ, служащихъ мѣстомъ митинговъ какъ для него, такъ и для буржуазіи.

Но какой выводъ нужно сдѣлать изъ вопросовъ Ленина?

Тотъ-ли выводъ, что пролетаріатъ долженъ создать для себя условія максимальнаго использованія завоеванныхъ имъ демократическихъ свободъ, т. е. располагать всѣмъ необходимымъ ему запасомъ бумаги и печатныхъ средствъ, всѣмъ потребнымъ ему количествомъ помѣще-

ній для собраній? Или что самый принципъ свободы слова, печати и собраній долженъ быть отмѣненъ?

Ленинъ, какъ мы знаемъ, дѣлаетъ второй выводъ.

На чемъ онъ строитъ его? На указаніяхъ Маркса и Энгельса? Вѣдь именно у нихъ онъ заимствуетъ какъ самое понятіе «диктатура пролетаріата», такъ и всѣ руководящія указанія.

Но ни у Маркса, ни у Энгельса нѣтъ нигдѣ ни одного даже намека на то, что завоевавшій власть пролетаріатъ, организованный въ господствующій классъ, въ періодъ своей диктатуры долженъ или можетъ лишать кого бы то ни было свободы слова, печати и собраній.

Вотъ, что говоритъ Марксъ въ своей книгѣ «Гражданская война во Франціи»:

«Ея (то есть Коммуны) особыя мѣропріятія могли только служить указаніемъ, въ какомъ направленіи должно идти правительство н а р о д а, дѣйствующее черезъ н а р о д ъ» (Каутскій, «Терроризмъ и Коммунизмъ», стр. 93).

Здѣсь рѣчь идетъ о народѣ, т. е., какъ самъ Ленинъ въ своей книгѣ «Государство и революція» поясняетъ, — о рабочихъ и крестьянахъ безъ всякаго дѣленія на привилегированныя группы, на покровительствуемыя теченія и находящіяся въ исключительныхъ условіяхъ партіи.

Еще точнѣе и опредѣленнѣе, въ выраженіяхъ, не оставляющихъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ и кривотолкамъ, говоритъ Энгельсъ.

Какъ мы видѣли, въ своемъ предисловіи къ третьему изданію «Гражданской войны» онъ спустя 20 лѣтъ послѣ Коммуны, т. е. послѣ зрѣлаго, спокойнаго и долгаго обсужденія всѣхъ заданій диктатуры пролетаріата, говоритъ:

«Рабочій классъ уничтожаетъ всю порабощающую силу буржуазнаго государства. Рабочій классъ для удержанія за собой только-что завоеванной власти и с

можетъ примѣнять къ своимъ противникамъ тѣ мѣры насилія, которыя они примѣняли къ нему» (см. выше).

И понятно, почему нигдѣ Марксъ и Энгельсъ ни словомъ, ни намекомъ не упоминаютъ объ упраздненіи, объ отмѣнѣ самаго принципа свободы слова, печати и собраній. Ибо для Маркса диктатура пролетаріата означаетъ волю всего народа. Для Энгельса наличіе порабощающей силы, примѣненіе мѣръ насилія обрекаетъ рабочій классъ на потерю имъ власти.

Для Ленина диктатура пролетаріата обозначаетъ какъ разъ сосредоточеніе въ рукахъ пролетаріата всей порабощающей силы, примѣненіе рабочимъ классомъ всѣхъ мѣръ насилія къ своимъ противникамъ.

И мы знаемъ, что свобода печати и собраній въ совѣтской Россіи является привилегіей единственно коммунистической партіи. Народъ, т. е. вся крестьянская и рабочая Россія, лишенъ способовъ и возможности печатно выражать свои нужды, желанія, отношенія къ дѣйствительности, свои мысли.

Такому положенію вещей Ленинъ даетъ слѣдующее объясненіе. Онъ говоритъ:

«Диктатура пролетаріата, т. е. организація передового отряда угнетенныхъ въ господствующій классъ для подавленія эксплоататоровъ, не можетъ просто-на-просто повести лишь къ расширенію демократіи. Одновременно съ безмѣрнымъ расширеніемъ демократіи она впервые станетъ демократіей бѣдныхъ, для народа, а не демократіей имущихъ. Диктатура пролетаріата принимаетъ рядъ исключительныхъ мѣръ по отношенію къ свободѣ эксплоататоровъ, поработителей, капиталистовъ. Мы должны ихъ подавлять, чтобы освободить человѣчество отъ рабства наемнаго труда. Ихъ сопротивленіе должно быть сломлено силой, и ясно, что тамъ, гдѣ производится подавленіе, гдѣ совершается насиліе, — тамъ нѣтъ мѣста ни свободѣ, ни демократіи». (St. u. Rev., стр. 82).

Ленинъ находитъ, что эти мысли «великолѣпно»

изложилъ Энгельсъ въ своемъ письмѣ къ Бебелю, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ:

«Пока пролетаріатъ пользуется государствомъ, онъ пользуется имъ не въ интересахъ свободы, но для подавленія своихъ противниковъ, и какъ только возникнетъ возможность говорить о свободѣ, — государство, какъ таковое, перестаетъ существовать» (St. u. Rev., стр.82).

Итакъ, Ленинъ убѣжденъ, что уничтоженіе свободы слова, печати, собраній покрывается цѣликомъ сужденіями Энгельса, «великолѣпно» выразившаго его, Ленина, мысли.

На этомъ слѣдуетъ остановиться не только для того, чтобы отмѣтить темноту и путаницу въ разсужденіяхъ Ленина, его постоянныя противорѣчія съ самимъ собой и неясность всѣхъ его построеній.

Въ приведенной только-что цитатѣ Ленинъ утверждаетъ, что тамъ, «гдѣ производится подавленіе, гдѣ совершается насиліе», — т. е. при диктатурѣ пролетаріата, — «нѣтъ мѣста ни свободѣ, ни демократіи». Это — на стр. 82. На страницѣ же 38-ой онъ, какъ мы видѣли, провозглашаетъ, что при диктатурѣ пролетаріата ясно обнаруживается различіе между демократіей буржуазной и демократіей пролетарской.

Но это — мимоходомъ. Важно разсмотрѣть, дѣйствительно ли Ленинъ имѣетъ основаніе оправдывать казнь надъ духовной жизнью человѣка, надъ его свободой слова, печати и собраній, ссылками на Энгельса.

Что говоритъ Энгельсъ въ письмѣ къ Бебелю? Въ приводимыхъ Ленинымъ строкахъ онъ, во-первыхъ, не упоминаетъ даже слова «демократія». Онъ разъясняетъ Бебелю, что до тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ для своихъ цѣлей пользуется государствомъ, не можетъ быть и рѣчи о той свободѣ, которая мыслится ему при полномъ отмираніи государства, т. е. о той абсолютной свободѣ, когда человѣкъ можетъ располагать собой, какъ ему угодно. Онъ говоритъ о той завершенной свободѣ, кото-

рая возможна только въ обществѣ, не знающемъ дѣленія на классы и не нуждающемся поэтому въ подчиненіи однихъ классовъ другимъ.

Пока же пролетаріатъ пользуется государствомъ, онъ пользуется имъ для подавленія своихъ противниковъ.

Кто противники пролетаріата? Эксплоататоры его труда. Какъ онъ подавляетъ ихъ? Энгельсъ подробно, ясно и точно отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Пролетаріатъ подавляетъ эксплоатацію путемъ экспропріаціи средствъ производства для немедленнаго использованія ихъ въ интересахъ всего общества. Путемъ уничтоженія порабощающей силы буржуазнаго государства, т. е. постояннаго войска, политической полиціи и бюрократіи. Путемъ отказа отъ всѣхъ мѣръ подавленія, какія примѣнялись къ нему. Путемъ превращенія, наконецъ, государства изъ самодовлѣющей властвующей силы въ слугу общества.

Есть-ли въ приведенномъ Ленинымъ сужденіи Энгельса хоть отдаленный намекъ на отрицаніе всѣхъ указанныхъ Энгельсомъ свойствъ пролетарскаго государства? Можно ли изъ нихъ почерпнуть какое бы то ни было оправданіе тѣмъ мѣрамъ подавленія, какія пролетаріатъ испыталъ на себѣ въ своемъ прошломъ? При этомъ не будемъ упускать изъ виду, что элементарныя права на свободу слова, печати и собраній прочно и навсегда завоеваны пролетаріатомъ, и ни одно западно-европейское буржуазное государство не смѣетъ покушаться на нихъ. И что рабочіе и крестьяне, не раздѣляющіе взглядовъ большевиковъ, — не эксплоататоры и не враги пролетаріата.

Продолжимъ наше разсмотрѣніе того, что Ленинъ называетъ буржуазной демократіей.

Всеобщее избирательное право.

Мы знаемъ, что всюду, гдѣ Марксъ и Энгельсъ говорятъ объ органахъ управленія въ пролетарскомъ государствѣ, они говорятъ объ избираемыхъ органахъ и при томъ — на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

Всеобщность избирательнаго права, какъ мы знаемъ, получаетъ свое полное выраженіе только тогда, когда оно помимо всеобщности еще — прямое, равное и тайное.

Болѣе, чѣмъ трехлѣтняя исторія совѣтской Россіи учитъ насъ многому въ этой области. Она насъ учитъ, во-первыхъ, тому, что воля избирателей въ совѣтской Россіи не почитается священной. Были случаи, когда совѣты, избранные исключительно рабочими, но съ преобладающимъ большинствомъ противниковъ коммунистической партіи, разгонялись пулеметами (Сормово, Харьковъ, Тула, Кузнецкъ).

Непремѣнное условіе равенства въ использованіи избирательнаго права — предварительная свободная для всѣхъ агитація въ печати — отсутствуетъ. Свобода агитаціи предоставлена лишь партіи большевиковъ. Всѣмъ остальнымъ она запрещена. Нечего говорить уже о репрессіяхъ, широко примѣняемыхъ предъ и во время выборовъ.

Дальнѣйшее условіе равенства избирательнаго права — одинаковыя для всѣхъ избирательныя возможности — уничтожено. Представительство отъ крестьянъ, несмотря на ихъ огромное численное преобладаніе въ странѣ, уменьшено до размѣровъ представительства отъ рабочаго класса. (Напр., въ Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитетъ — одинъ изъ высшихъ органовъ управленія страной — крестьяне избираютъ одного представителя отъ 125 т. крестьянъ, рабочіе — отъ 5 т. рабочихъ).

Далѣе, совѣтская конституція не только не преслѣдуетъ, но своей недоговоренностью вводитъ обладаніе однимъ лицомъ нѣсколькими избирательными правами. Напримѣръ, членъ коммунистической партіи избираетъ, какъ таковой; будучи въ то же время солдатомъ красной арміи, онъ избираетъ уже и въ качествѣ солдата; состоя къ тому же въ какомъ-нибудь учрежденіи, онъ снова избираетъ и т. д. Такимъ образомъ, господ-

ствующая партія имѣетъ возможность искусственно вліять на результаты голосованій.

И, наконецъ, тайна голосованія давно уже упразднена. Голосованіе происходитъ поднятіемъ рукъ по спискамъ, составленнымъ и провозглашаемымъ коммунистической партіей.

И то, что Марксъ и Энгельсъ устанавливали, какъ основу диктатуры пролетаріата — выборность всѣхъ органовъ управленія на началахъ всеобщаго избирательнаго права, — то, что самъ Ленинъ многократно признаетъ, какъ отличіе буржуазной демократіи отъ демократіи пролетарской, — то въ совѣтской Россіи не существуетъ.

И господствующая партія большевиковъ путемъ искаженій всеобщаго избирательнаго права, путемъ фальсификаціи выборовъ, репрессій, устраненія тайны голосованія и т. д. поддерживаетъ свое господство и выдаетъ его, какъ результатъ свободно выраженной воли народа.

Парламентаризмъ.

Ему Ленинъ посвящаетъ особенно много возбужденно написанныхъ страницъ. Мы остановимся на его изъясненіяхъ по этому поводу, какъ для знакомства съ ходомъ и особенностями его мыслей, такъ и съ его толкованіями разгона Учредительнаго Собранія.

Парламентаризмъ — отвѣтственность правительства предъ народнымъ представительствомъ, избраннымъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права, — есть одно изъ явленій демократіи наряду со свободой слова, печати, неприкосновенностью личности и т. д.

Если парламентаризмъ теперь застылъ въ извѣстныхъ формахъ, то это не значитъ, что парламентаризмъ вообще достигъ предѣльнаго развитія и неспособенъ къ дальнѣйшимъ видоизмѣненіямъ въ зависимости отъ требованій жизни. И это ни въ коемъ случаѣ не значитъ, что парламентаризмъ не допускаетъ возни-

кновенія наряду съ собой другихъ органовъ народнаго представительства и управленія.

Для Ленина парламентаризмъ является самымъ яркимъ выраженіемъ буржуазно-демократическаго порабощенія угнетенныхъ классовъ. Парламентаризмъ вреденъ не только поэтому, но еще и потому, что создаетъ опасную для пролетаріата иллюзію мнимаго участія въ управленіи страной и тщетное ожиданіе, что путемъ созданія большинства въ парламентѣ пролетаріатъ получитъ власть и начнетъ переустройство общества.

Такая возможность, по убѣжденію Ленина, исключена совершенно, и потому парламентаризмъ, это вмѣстилище фальши, лицемѣрія, лжи и деморализаціи, долженъ быть устраненъ.

Ленинъ ссылается на Маркса, который писалъ:

«Коммуна должна была представлять собой не парламентскую, а рабочую организацію, исполнительную и законодательную въ одно и то же время...

«Вмѣсто того, чтобы разъ въ три года или въ шесть лѣтъ рѣшать, какой членъ господствующаго класса долженъ въ парламентѣ представлять или подавлять народъ, — всеобщее избирательное право должно было служить организованному въ коммуны народу, — подобно тому, какъ индивидуальное избирательное право служитъ каждому работодателю для опредѣленія въ свое предпріятіе рабочихъ, надсмотрщиковъ и бухгалтеровъ».

Ленинъ такъ поясняетъ эти слова Маркса:

«Продажный и прогнившій парламентаризмъ буржуазнаго общества Коммуна замѣняетъ организаціями, въ которыхъ свобода сужденій и изслѣдованія не вырождается въ обманъ, ибо парламентаріи должны сами работать, сами проводить въ жизнь свои законы, сами испытать то, что они осуществляютъ, сами нести непосредственную отвѣтственность предъ своими избирателями» (St. u. Rev., стр. 40 и 43).

Имѣя всѣ злостныя и отрицательныя стороны буржуазнаго парламентаризма въ виду, Ленинъ огромную

часть своей книжки «Дѣтская болѣзнь лѣвизны въ коммунизмѣ» посвящаетъ суровому поношенію западно-европейскихъ лѣвыхъ коммунистовъ за то, что они отказываются участвовать въ избирательной борьбѣ и идти въ парламенты.

Они должны идти въ парламенты, говоритъ Ленинъ, чтобы тамъ изнутри взрывать парламентаризмъ и предъ широкими массами пролетаріата демонстрировать гниль, лживость, подкупность и вредность парламентаризма.

Ибо, говоритъ Ленинъ, въ Западной Европѣ парламентаризмъ политически еще не изжитъ пролетаріями. Они еще вѣрятъ въ него.

Изъ того же факта, что большевики не бойкотировали Учредительнаго Собранія, участвовали въ выборахъ до и послѣ завоеванія пролетаріатомъ политической власти, а затѣмъ разогнали Учредительное Собраніе, вытекаетъ «совершенно безспорный выводъ».

«Доказано, что даже за нѣсколько недѣль до побѣды Совѣтской Республики, даже после такой побѣды, участіе въ буржуазно-демократическомъ парламентѣ не только не вредитъ революціонному пролетаріату, а облегчаетъ ему возможность доказать отсталымъ массамъ, почему такіе парламенты заслуживаютъ разгона, облегчаютъ успѣхъ ихъ разгона, облегчаютъ «политическое изживаніе» буржуазнаго парламентаризма». («Дѣт. бол.» стр. 49).

Итакъ, по увѣренію Ленина, поведеніе большевиковъ до и послѣ побѣды совѣтской республики облегчало революціонному пролетаріату возможность доказать отсталымъ массамъ, почему Учредительное Собраніе должно было быть разогнаннымъ, облегчало «политическое изживаніе буржуазнаго парламентаризма».

Посмотримъ, каково было въ дѣйствительности поведеніе большевиковъ до и послѣ побѣды совѣтской республики.

До побѣды большевики въ своей энергичной агитаціи и подготовкѣ сверженія Временнаго Правительства доказывали массамъ, что Временное Правительство не созоветъ Учредительнаго Собранія и что они, большевики, ставъ у власти, исполнятъ немедленно требованіе народа о созывѣ Учредительнаго Собранія.

Дискредитировалось ли этимъ въ глазахъ массъ значеніе Учредительнаго Собранія, или надежды на Учредительное Собраніе и сознаніе необходимости его утверждались?

Послѣ побѣды совѣтской республики большевики въ своей печати и на многочисленныхъ митингахъ говорили, что вопросъ о брестъ-литовскомъ мирѣ, т. е. объ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ революціи, они передадутъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Учредительнаго Собранія.

Колебался-ли этимъ авторитетъ Учредительнаго Собранія или возвышался?

Ленинъ, какъ мы видимъ, впадаетъ въ грубое противорѣчіе съ дѣйствительностью въ своей характеристикѣ поведенія большевиковъ по отношенію къ созыву и роли Учредительнаго Собранія. А утверждая значеніе Учредительнаго Собранія, поднимая въ глазахъ массъ его авторитетъ, большевики возвеличивали буржуазный парламентаризмъ, т. е. то, что Ленинъ считаетъ вмѣстилищемъ грязи, лжи, лицемѣрія, гнили, подкупности, и что является, по его словамъ, самой опасной и вредной иллюзіей пролетаріата.

Съ другой стороны, Ленинъ требуетъ отъ коммунистовъ Западной Европы непремѣннаго участія въ парламентахъ, потому что «парламентаризмъ на Западѣ политически не изжитъ».

Парламентаризмъ на Западѣ политически не изжитъ, несмотря на участіе пролетаріата въ теченіе долгихъ десятилѣтій въ парламентской борьбѣ, несмотря на всеобщую его грамотность, не взирая на его огромное революціонное прошлое, его изумительную организован-

ность, блестящую самодѣятельность и вопреки тому, что пролетаріатъ на Западѣ уже давно втянутъ въ старый споръ о полезности и вредности для него парламентаризма. Въ спорѣ этомъ уже давно выяснены всѣ особенности парламентаризма и его роль въ политической борьбѣ пролетаріата.

А вотъ русскій пролетаріатъ, ни разу не прикоснувшись къ всеобщему избирательному праву, ни разу за всю свою исторію практически не видѣвъ парламентаризма, не познавъ его ни положительныхъ, ни отрицательныхъ сторонъ, политически изжилъ парламентаризмъ. И это — при условіи, что большевики возвеличивали значеніе и авторитетъ Учредительнаго Собранія.

Изживаніе русскимъ пролетаріатомъ буржуазнаго парламентаризма, доказательство отсталымъ массамъ необходимости разгона парламента произошло за шести- или семичасовое существованіе Учредительнаго Собранія. . . .

Посмотримъ теперь на осуществленіе того, что Ленинъ называетъ «пролетарской демократіей».

Мы видѣли уже, во что превратилось всеобщее избирательное право (которое Марксъ и Энгельсъ считають непремѣннѣйшимъ условіемъ существованія Коммуны) при конструкціи «рабоче-крестьянской» власти.

Мы видѣли, что Марксъ сводитъ роль организацій, созданныхъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права, къ хозяйственной дѣятельности. Избранные народомъ представители должны вырабатывать постановленія и сами проводить ихъ въ жизнь, и такимъ образомъ всеобщее избирательное право поступаетъ непосредственно на службу народу.

Ленинъ восторженно привѣтствуетъ эти замѣчанія и отъ себя прибавляетъ:

«Капитализмъ упрощаетъ функціи «государственнаго управленія», позволяетъ устранить «начальство» и передать все дѣло организаціи пролетаріевъ (какъ гос-

подствующаго класса), которая именемъ всего общества назначаетъ «рабочихъ, надсмотрщиковъ. бухгалтеровъ».

И далѣе:

«Мы, рабочіе, организуемъ крупное производство, достраивая то, что капитализмъ уже создалъ, и опираясь на собственный опытъ рабочихъ; мы осуществляемъ при помощи государственной власти вооруженныхъ рабочихъ строгую, желѣзную дисциплину и превращаемъ государственныхъ чиновниковъ въ простыхъ исполнителей нашихъ порученій, отвѣтственныхъ, смѣняемыхъ, скромно оплачиваемыхъ «надсмотрщиковъ и бухгалтеровъ» (конечно, включая сюда техниковъ всякаго рода, ранга и положенія), — такова наша задача, задача пролетаріата. Это именно есть то, чѣмъ должно начаться проведеніе пролетарской революціи. Такое начинаніе на основѣ крупнаго производства само собой ведетъ къ постепенному «отмиранію» всякаго чиновничества, къ постепенному созданію такого порядка — порядка безъ кавычекъ, — который ничего не имѣетъ общаго съ рабствомъ поденщиковъ, порядка, при которомъ все болѣе и болѣе упрощающіяся функціи учета и контроля, попемѣнно выполняемыя всѣми, затѣмъ входятъ въ привычку и постепенно исчезаютъ, какъ спеціальныя функціи особаго слоя людей» (St. u. Rev. стр. 44 и 45).

Здѣсь Ленинъ точно, ясно и законченно намѣчаетъ пути пролетарской демократіи. Это — демократія хозяйственная, проникающая во всѣ поры хозяйственной жизни, устраняющая «начальство», привлекающая попеременно всѣхъ къ выполненію самыхъ важныхъ функцій хозяйственнаго бытія — функцій учета и контроля.

Такова, говоритъ Ленинъ, наша задача, задача рабочихъ, задача пролетаріата.

Но вотъ, что Ленинъ проповѣдуетъ въ брошюрѣ «Ближайшія задачи совѣтской власти».

„Всякая механическая крупная промышленность — а это какъ разъ означаетъ источникъ производства и

фундаментъ соціализма, — требуетъ безусловнаго и строжайшаго единства воли... Но какъ можетъ быть гарантировано строжайшее единство воли? Подчиненіемъ воли тысячъ волѣ немногихъ».

Въ другомъ мѣстѣ той же брошюры:

«Революція только-что разбила старѣйшія, крѣпчайшія и тягчайшія оковы, въ которыя массы были загнаны кнутомъ. Это было вчера. Сегодня та же революція требуетъ. и именно въ интересахъ соціализма, безпрекословнаго подчиненія массъ единой волѣ руководителей трудового процесса». (Цитирую по книгѣ К. Каутскаго «Терроризмъ и коммунизмъ», стр. 181 и 182).

Итакъ, «мы, рабочіе, организуемъ крупное производство»; «выполненіе всѣми функцій контроля и учета» превращается въ «безпрекословное подчиненіе массъ единой волѣ руководителей трудового процесса».

Но въ этихъ словахъ лишь слабо отразилась практика хозяйственнаго порядка (Ленинъ въ соціалистическомъ государствѣ пишетъ это слово безъ кавычекъ), который царитъ въ совѣтской Россіи. Вездѣ, во всѣхъ производствахъ, поскольку они еще работаютъ, введено безпрекословное подчиненіе массъ волѣ «начальствующихъ», назначенныхъ лицъ. Объ участіи рабочихъ въ учетѣ и контролѣ нѣтъ и рѣчи. Щупальцы всемогущей «чеки» охватываютъ каждый заводъ и фабрику.

Но производства организовать все-таки не удалось. Тогда ввели аккордныя работы, преміальную систему, самый гнусный видъ эксплоатаціи труда, воскресили самое подлое наслѣдіе буржуазнаго общества.

И затѣмъ постепенно ввели милитаризацію труда и прикрѣпленіе рабочихъ къ опредѣленнымъ фабрикамъ и заводамъ.

И въ этихъ условіяхъ находится теперь рабочій классъ въ совѣтской Россіи.

Въ условіяхъ каторжнаго труда!

Посмотримъ теперь на положеніе двухъ другихъ категорій трудящихся, безъ участія которыхъ вся современная хозяйственная жизнь немедленно погибаетъ: крестьянства и интеллигенціи.

Каковы задачи революціоннаго пролетаріата въ періодъ его диктатуры по отношенію къ этимъ двумъ категоріямъ?

На этотъ вопросъ Ленинъ подробно отвѣчаетъ въ своей брошюрѣ «Выборы въ Учредительное Собраніе и диктатура пролетаріата» (Цитирую по нѣмецкому изданію).

Приведемъ его отвѣты.

«Когда россійскій пролетаріатъ завоевалъ государственную власть, онъ объявилъ старый государственный аппаратъ (который, какъ выяснилъ Марксъ, даже въ самыхъ демократическихъ республикахъ служилъ классовымъ интересамъ буржуазіи) тотчасъ же, спустя нѣсколько часовъ упраздненнымъ и передалъ всю власть совѣтамъ. Но въ нихъ были допущены лишь трудящіеся и эксплоатируемые при полномъ исключеніи какихъ бы то ни было эксплоататоровъ.

«Такимъ путемъ пролетаріатъ однимъ ударомъ отрываетъ отъ буржуазіи тотчасъ же послѣ завоеванія государственной власти значительную часть ея приверженцевъ среди мелкобуржуазныхъ и «соціалистическихъ партій». Ибо эти трудящіеся и эксплоатируемые были обмануты буржуазіей и только въ совѣтской власти впервые пріобрѣтаютъ оружіе для массовой борьбы за свои интересы противъ буржуазіи» (стр. 14 и 15).

«Чтобы привлечь на свою сторону большинство населенія пролетаріатъ долженъ, во-первыхъ, свергнуть буржуазію и взять въ свои руки власть; во-вторыхъ, ввести совѣтскую власть послѣ разрушенія стараго государственнаго аппарата. Ибо такимъ путемъ онъ сразу погребаетъ господство, авторитетъ, вліяніе буржуазіи и мелкобуржуазныхъ соглашателей на непролетарскія тру-

дящіяся массы. Въ-третьихъ, онъ долженъ нанести вліянію буржуазіи и мелкобуржуазныхъ соглашателей на б о л ь ш и н с т в о непролетарскихъ трудящихся массъ с м е р т е л ь н ы й у д а р ъ путемъ непосредственнаго революціоннаго осуществленія и х ъ хозяйственныхъ нуждъ н а с ч е т ъ э к с п л о а т а т о р о в ъ» (стр. 16).

Наконецъ:

«Въ чемъ состоятъ классовыя цѣли пролетаріата?

«Въ подавленіи сопротивленія буржуазіи;

«нейтрализаціи» крестьянства и по возможности привлеченіи его (или, по крайней мѣрѣ, его работающаго, не эксплоатирующаго большинства) къ дѣлу большевиковъ; организаціи крупнаго производства на отнятыхъ у буржуазіи крупныхъ фабрикахъ и другихъ средствахъ производства» (стр. 13).

На чемъ же строитъ Ленинъ возможность привлеченія крестьянства «къ дѣлу большевиковъ»?

Онъ говоритъ:

«Въ историческихъ условіяхъ этой эпохи городъ не можетъ быть равенъ деревнѣ, деревня — городу. Городъ неизбѣжно у в л е к а е т ъ з а с о б о ю деревню, а деревня с л ѣ д у е т ъ за городомъ. Все дѣло лишь въ томъ, какой изъ «городскихъ» классовъ окажется въ состояніи разрѣшить эту задачу, какой классъ способенъ руководить деревней и какую форму приметъ р у к о в о д с т в о г о р о д а» (стр. 7).

Въ приведенныхъ выдержкахъ не все — послѣдовательно: то на пролетаріатъ возлагается задача «привлечь на свою сторону большинство населенія», то эта задача опредѣляется лишь, какъ «нейтрализація» крестьянства и привлеченіе его къ дѣлу большевиковъ, только «по возможности». Но основная мысль ясна. Большинство пролетарскихъ трудящихся массъ переходитъ на сторону пролетаріата, благодаря революціонному осуществленію и х ъ хозяйственныхъ нуждъ н а

счетъ эксплоататоровъ (курсивъ вездѣ Ленина).

Такимъ образомъ, обязанности вождей пролетаріата въ періодъ его диктатуры Ленинъ намѣчаетъ вполнѣ опредѣленно. Во-первыхъ, крестьянству (мы пока говоримъ только о немъ) въ лицѣ совѣтской власти должно быть предоставлено «оружіе для массовой борьбы за свои интересы противъ буржуазіи».

Но мы знаемъ, что съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности большевики ограничили крестьянство въ его правахъ: представительство отъ крестьянъ въ совѣтахъ — несмотря на огромное численное преобладаніе крестьянства — было сравнено съ представительствомъ отъ рабочаго класса.

И здѣсь было положено начало той войнѣ между рабочимъ классомъ и крестьянствомъ, которая наполняетъ собою всю исторію властвованія большевиковъ.

Во-вторыхъ, путемъ организаціи крупнаго производства на отнятыхъ у буржуазіи фабрикахъ и т. д. крестьянству должно быть предоставлено революціонное осуществленіе его хозяйственныхъ нуждъ.

Мы знаемъ, что никакого крупнаго производства большевики не организовали и никакихъ хозяйственныхъ нуждъ крестьянства не удовлетворяютъ.

И въ связи съ противорѣчивыми отношеніями къ крестьянству (то «нейтрализація» его, то его привлеченіе), большевики повели рядъ противорѣчныхъ опытовъ. То они пытались расслоить крестьянство и ввести гражданскую войну въ деревню. Съ этой цѣлью они всю власть въ деревнѣ передали «крестьянской бѣднотѣ». Эпоху «комбѣдовъ» (комитетовъ бѣдноты) можно охарактеризовать, какъ эпоху властвованія хищническихъ и разбойничьихъ элементовъ, загримировавшихся подъ бѣдноту.

Съ проваломъ опыта «крестьянской бѣдноты» большевики сдѣлали ставку на «средняка». Но это была не

экономическая политика связывания крестьянъ средняго достоянія съ пролетаріатомъ, а именно ставка на удачу Общій курсъ отношеній къ крестьянству отъ восхваленій средняцкаго крестьянства, многочисленныхъ рѣчей и хвалебныхъ статей по его адресу не измѣнился.

Крестьянство было объявлено врагомъ, «самымъ страшнымъ врагомъ» «соціалистическаго» строя и диктатуры пролетаріата.

Это объявленіе крестьянства врагомъ находитъ свое теоретическое выраженіе въ слѣдующихъ строкахъ:

«Уничтожить классы — значитъ не только прогнать помѣщиковъ и капиталистовъ — это мы сравнительно легко сдѣлали, — это значитъ *также уничтожить мелкихъ товаропроизводителей*, а *ихъ нельзя прогнать*, ихъ нельзя подавить, съ ними *надо ужиться*, ихъ можно и должно передѣлать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой. Они окружаютъ пролетаріатъ со всѣхъ сторонъ мелкобуржуазной стихіей, пропитываютъ его ею, развращаютъ его ею, вызываютъ постоянно внутри пролетаріата рецидивы мелкобуржуазной безхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходовъ отъ увлеченія къ унынію» («Дѣтск. бол. лѣвизны», стр. 32. Курсивъ вездѣ Ленина).

Такъ ярко нарисовавъ тлетворную роль и вліяніе мелкихъ товаропроизводителей, Ленинъ въ довольно разностороннемъ спискѣ средствъ борьбы съ ихъ разлагающимъ дѣйствіемъ не упоминаетъ одного и — самаго главнаго. Мелкихъ производителей не только нельзя прогнать и подавить, ихъ и не нужно прогонять и подавлять. Ихъ необходимо сдѣлать безполезными. То есть стихію мелкаго товаропроизводства замѣнить стихіей крупнаго товаропроизводства, при которомъ хозяйственная жизнь страны не должна опираться исключительно на мелкихъ производителей и отъ нихъ цѣликомъ зависѣть.

Но организовать крупное производство большевики безсильны и неспособны.

И вотъ мы видимъ странное положеніе. Хозяйственной основой, т. е. единственно существенной основой диктатуры пролетаріата является трудъ и производительность его враговъ, «развращающихъ его, вызывающихъ въ немъ безхарактерность, раздробленность» и т. д.

Происходитъ неслыханное, нигдѣ и никѣмъ непредусмотрѣнное явленіе. Для продленія бытія диктатуры пролетаріата совершается перманентная, ни на мгновеніе не прекращающаяся экспропріація не экспропріаторовъ, а плодовъ производства. Крестьянство не только не получаетъ удовлетворенія своихъ «хозяйственныхъ нуждъ», а постоянно экспропріируется. Создаются «продотряды» (продовольственные отряды), на деревню ведется правильное наступленіе съ пулеметами, и ея хлѣбъ отбирается подъ угрозой казни. И тамъ, гдѣ крестьянство оказываетъ сопротивленіе, тамъ пускаются въ ходъ винтовки, пулеметы, нерѣдко пушки, нерѣдко деревни сжигаются и уничтожаются. И залитый кровью хлѣбъ «продотряды» доставляютъ въ погибающіе отъ голода города.

Но роль «мелкихъ товаропроизводителей» этимъ не ограничивается. Большевикамъ въ послѣднее время пришлось узаконить давно уже широко распространенное явленіе. Они оффиціально разрѣшили рабочимъ фабрикъ и заводовъ въ свободные отъ обязательныхъ работъ часы изготовлять всевозможныя поддѣлки для обмѣна ихъ на продукты питанія. Этимъ они узаконили и дали свое благословеніе мелкому товаропроизводству.

Такимъ образомъ «развратъ», «раздробленность», «безхарактерность», «уныніе» въ среду пролетаріата большевики вносятъ сами.

Въ приведенныхъ выше строкахъ Ленинъ говоритъ:

«Городъ неизбѣжно увлекаетъ за собою деревню, а деревня слѣдуетъ за городомъ».

Да, но въ какихъ условіяхъ?

Въ условіяхъ современной культуры, когда городъ является не только административнымъ центромъ, но и средоточіемъ всей умственной, художественной, а главное — хозяйственной жизни. Когда деревня получаетъ отъ города все, начиная отъ орудій производства и кончая самомалѣйшими вещами домашняго обихода.

Въ совѣтской же Россіи эта главная особенность современной культуры отсутствуетъ. То немногое изъ крайне пониженныхъ потребностей, что еще можетъ найти удовлетвореніе и продлить существованіе обитателя соціалистической республики, — получается въ деревнѣ. И теперь не деревня слѣдуетъ за городомъ, а города совѣтской Россіи переселяются въ деревню.

Перейдемъ теперь къ третьей категоріи участниковъ въ современномъ производствѣ — интеллигенціи.

Современное производство не можетъ существовать безъ интеллигенціи. Здѣсь рѣчь идетъ не только о техникахъ, врачахъ, инженерахъ, изобрѣтателяхъ, артистахъ художественной промышленности, но объ интеллигенціи вообще. Современное производство требуетъ интеллигентности рабочихъ.

Но что такое интеллигентность? Это — особое качество ума, возникающее и развивающееся лишь въ опредѣленныхъ условіяхъ возможности и свободы умственной дѣятельности. И тамъ, гдѣ умственная дѣятельность — наука, литература, искусство — умираетъ или ограничивается лишь дозволенными предѣлами, тамъ общій уровень интеллигентности немедленно падаетъ.

И съ мѣста въ карьеръ большевики начали удушеніе интеллигенціи, то есть не только медленное уничто-

женіе ея существующихъ представителей, но и самыхъ условій ея возникновенія и роста.

Всюду, гдѣ работала научная мысль, — университеты, спеціальные институты и т. д., — они принесли оскорбленіе, униженіе не только научнаго, но и просто человѣческаго достоинства. Достаточно сказать, что жизнь, распорядокъ занятій университетовъ они подчинили низшему служительскому персоналу. Въ такомъ, напр., пользующемся всемірной славой и уваженіемъ учрежденіи, какъ Институтъ Экспериментальной Медицины, выдющіеся ученые были поставлены подъ начало коллегіи сторожей. Сторожа опредѣляли, что ученые могли дѣлать, и чего они дѣлать не должны были. Въ больницахъ врачи обязаны были слѣдовать предписаніямъ совѣтовъ санитаровъ, сидѣлокъ, кухоннаго и иного персонала. Совѣты эти устанавливали, кто изъ больныхъ подлежитъ операціи и на какую діэту ихъ надо перевести.

Такой же порядокъ былъ введенъ на фабрикахъ, заводахъ, во всевозможныхъ производствахъ.

И, наконецъ, упраздненіемъ свободы слова и печати самая возможность возникновенія интеллигенціи была убита.

Необязательнымъ оказалось возвѣщаемое Ленинымъ заданіе пролетаріата:

«Пролетаріатъ однимъ ударомъ отрываетъ отъ буржуазіи тотчасъ же послѣ завоеванія государственной власти значительную часть ея приверженцевъ среди мелкобуржуазныхъ и «соціалистическихъ» (кавычки Ленина) партій».

Диктатура, осуществляемая Ленинымъ, поставила своей задачей однимъ ударомъ отшвырнуть отъ пролетаріата такую неотъемлемую категорію трудящихся, какъ интеллигенція. Къ ней «тотчасъ же послѣ завоеванія государственной власти» были примѣнены мѣры унизительныя, оскорбительныя, она тотчасъ же была

низведена на степень еле терпимыхъ отбросовъ общества.

Свое завершеніе политика большевистской власти по отношенію къ интеллигенціи нашла въ крылатой фразѣ Троцкаго:

— Мы голодомъ заставимъ интеллигенцію работать!

Здѣсь рѣчь идетъ не о привлеченіи интеллигенціи на сторону пролетаріата, а о понужденіи ея однимъ изъ самыхъ звѣрскихъ средствъ — голодомъ.

Дѣло въ томъ, что интеллигенція въ то время еще боролась пассивно и не шла на службу къ большевикамъ. И вотъ къ интеллигенціи съ ея семьями примѣняются особыя нормы продовольствія, и тактика голоднаго усмиренія сопротивляющихся торжествуетъ. Интеллигенція идетъ на службу къ большевикамъ, но, конечно, она работаетъ лишь изъ-подъ палки, въ непримиримой ненависти къ власти, такъ жестоко уничтожившей самую основу ея матеріальнаго и моральнаго бытія.

Это — не та вдохновенная, самоотверженная работа, которую Ленинъ считаетъ единственно спасительной для соціалистической республики, и нѣсколько (бѣдкостныхъ для совѣтской Россіи) примѣровъ которой онъ воспѣваетъ въ своей брошюрѣ «Великое начинаніе» (по нѣмецки: „Die Grosse Initiative", Wien, Verlag „Neue Erde".)

Здѣсь не мѣсто воздавать почести героизму работниковъ русской науки, среди всѣхъ ужасовъ разрушенія оставшихся на своемъ свѣтозарномъ посту. Исторія благоговѣйно преклонится предъ ихъ могучимъ духомъ и увѣковѣчитъ имена безжалостно угашенныхъ свѣточей мысли.

Необходимо остановиться на обоснованіяхъ, которыя большевики приводятъ въ пользу гоненій на свободное изслѣдованіе. Къ этой темѣ они возвращались

нераз. Всего ярче она разработана въ статьяхъ М. Боголѣпова (бывшаго профессора). Онъ утверждаетъ, что никогда наука въ классовомъ государствѣ — даже самомъ демократическомъ — не была свободна. Она всегда была на службѣ у господствующаго класса и говорила то, что ему было нужно для укрѣпленія своей власти. Поэтому (?) и въ пролетарскомъ государствѣ наука не можетъ быть свободной, а обязана выполнять лишь то, что необходимо пролетаріату для укрѣпленія его власти.

Дѣйствительно, въ современномъ государствѣ оффиціальная наука выполняетъ предначертанія власти. Но наряду съ оффиціальной въ буржуазно-демократическихъ государствахъ существуетъ неоффиціальная наука, вліяніе которой не поддается никакому учету. Воздѣйствовать на эту науку, оказывать на нее какое-либо давленіе, пресѣкать ее буржуазія не въ состояніи. Ибо непоколебимы завоеванныя западно-европейскимъ пролетаріатомъ свободы.

Изъ науки, искусства, литературы буржуазія беретъ лишь то, что ей нужно, полезно, выгодно, льститъ ея чувствамъ, отвѣчаетъ ея вкусамъ. Все остальное для нея не существуетъ и можетъ погибать, не находя примѣненія.

И мы знаемъ многихъ великихъ дѣятелей науки, искусства, литературы, шедшихъ вразрѣзъ со своей эпохой или ее опередившихъ и погибавшихъ отъ нищеты и лишеній. Но никто и никогда не мѣшалъ имъ работать, изучать, критиковать, писать, издавать свои труды и въ проявленіи своей личности, въ общеніи со своими послѣдователями, въ побѣдахъ своей мысли испытывать величайшую радость жизни и возвышеннѣйшую ея красоту — радость и красоту творчества.

Эта радость и красота навсегда устранены изъ совѣтской Россіи. Ибо то, что ея власть требуетъ отъ науки, искусства и литературы, есть наемный трудъ

рабовъ, а не свободное, независимое выраженіе человѣческаго духа.

И вотъ почему интеллигентность обречена на смерть тамъ, гдѣ господствуетъ большевизмъ.

Здѣсь умѣстно будетъ указать на одно утвержденіе Ленина. Говоря о необходимости для западно-европейскихъ коммунистовъ соединить легальныя формы борьбы съ нелегальными, онъ указываетъ, что эта необходимость помимо другихъ причинъ вызывается «въ силу бѣшеныхъ преслѣдованій коммунистовъ республиканскими и вообще буржуазными правительствами» («Дѣт. бол.», стр. 50).

Странное впечатлѣніе производитъ эта ссылка Ленина на преслѣдованія коммунистовъ въ Западной Европѣ — послѣ того, какъ мы знаемъ, какимъ удушеніямъ подвергается въ совѣтской Россіи интеллигенція вообще и соціалистическая въ особенности. Тѣмъ болѣе странное, что какія-бы «бѣшеныя преслѣдованія» ни испытывали коммунисты со стороны республиканскихъ и вообще буржуазныхъ правительствъ, — они всюду располагаютъ открытыми организаціями, объединены въ открытыя партіи, имѣютъ свои довольно многочисленные ежедневные органы печати, свои издательства (какъ видитъ читатель, я цитирую Ленина, главнымъ образомъ, по нѣмецкимъ изданіямъ, и сами большевики издаютъ свои газеты заграницей на русскомъ языкѣ). И, наконецъ, коммунисты въ Западной Европѣ ведутъ открытую широкую работу вплоть до вооруженныхъ возстаній. И Ленину приходится горячо убѣждать ихъ обратиться и къ нелегальнымъ формамъ борьбы, придумывать для нихъ случаи примѣненія этихъ формъ.

Все это говоритъ прежде всего о томъ, что большевики въ своихъ объясненіяхъ гоненій на мысль, слово, науку, литературу, интеллигенцію даютъ русскому ра-

бочему классу завѣдомо ложныя истолкованія дѣйствительности.

И съ той же завѣдомостью они не обогатили сознанія русскаго рабочаго класса давно уже усвоеннымъ западно-европейскимъ пролетаріатомъ объединяющимъ понятіемъ:

— Пролетаріи физическаго и умственнаго труда.

И теперь всѣ три категоріи трудящихся: пролетаріатъ труда физическаго, пролетаріатъ труда умственнаго и крестьянство находятся въ одинаковомъ положеніи. Начавъ съ интеллигенціи, большевики «безпрекословнымъ подчиненіемъ массъ волѣ руководителей», прикрѣпленіемъ рабочихъ къ фабрикамъ и заводамъ, милитаризаціей труда, сведеніемъ на нѣтъ избирательнаго права, насильственными кровавыми реквизиціями у крестьянъ продовольствія — закончили систему воскрешенія крѣпостной зависимости труда.

Формой ея является государственный капитализмъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

* *
*

Свое верховное выраженіе властвованіе большевиковъ находитъ въ террорѣ. Одно прикосновеніе къ этимъ страшнымъ, человѣческой кровью залитымъ страницамъ ихъ дѣятельности вызываетъ содроганіе.

Къ ней они готовились давно, исподволь и нетерпѣливо. Ленинъ всегда заявлялъ, что со своими классовыми врагами пролетаріатъ расправится по образцамъ, завѣщаннымъ якобинцами.

Еще въ 1917 г. на майскомъ всероссійскомъ крестьянскомъ съѣздѣ въ петроградскомъ Народномъ Домѣ, куда Ленинъ явился съ повинной, онъ провозгласилъ:

— Достаточно повѣсить нѣсколько сотъ мародеровъ, и спекуляція прекратится (см. петроградскія газеты того времени).

Изъ исторіи французской революціи мы знаемъ, что никогда такъ много и усердно не вѣшали спеку-

лянтовъ, какъ въ то время, и никогда такъ пышно не процвѣтала спекуляція, какъ именно въ расцвѣтѣ массовыхъ казней.

Эти факты извѣстны, конечно, и Ленину...

Въ концѣ ноября или въ началѣ декабря 1917 года, т. е. черезъ мѣсяцъ-полтора послѣ завоеванія большевиками власти, Троцкій на митингѣ въ петроградскомъ циркѣ «Модернъ» заговорилъ «о машинѣ, отдѣляющей голову человѣка отъ корпуса». Это отвратительное напоминаніе бросалось въ раскаленную атмосферу страстей, уже доведенныхъ до крайняго напряженія предварительной агитаціей. Воздухъ былъ насыщенъ трагическими ожиданіями. Казалось, вотъ-вотъ осуществится то, что яростно повторялось на всѣхъ площадяхъ:

— Теперь мы попьемъ вашей кровушки!

Заживо былъ растерзанъ генералъ Духонинъ (тогдашній большевистскій верховный главнокомандующій Крыленко плакалъ при видѣ этой сцены. Позже въ качествѣ высшаго представителя обвинительной власти въ совѣтской республикѣ онъ неизмѣнно требовалъ въ трибуналахъ разстрѣла подсудимыхъ).

Звѣрски ночью въ больницѣ, на койкахъ были убиты Шингаревъ и Кокошкинъ.

Ночью же у Александро-Невской лавры были прикончены братья Гоппазъ, непричастные, какъ оказалось, къ взведеннымъ на нихъ обвиненіямъ. Ихъ и ихъ товарищей убили по приказу изъ Смольнаго, гдѣ тогда засѣдало большевистское правительство и откуда шелъ жуткій, недоговоренный шопотъ самого Ленина о необходимости уничтожить пять молодыхъ жизней. Объ этомъ шопотѣ разсказывалъ комиссаръ (по фамиліи, кажется, Папутинъ), распоряжавшійся убійствомъ и немедленно вслѣдъ затѣмъ переведенный куда-то изъ Петрограда.

Въ то время каждый день органы большевистской власти, чины конвойныхъ командъ, безнаказанно и безъ всякихъ послѣдующихъ разслѣдованій убивали политическихъ арестованныхъ подъ предлогомъ ихъ попытки къ бѣгству.

Въ то время — даже лѣтомъ 1918 г. — исполнителямъ правительственныхъ приказовъ было разрѣшено разстрѣливать пойманныхъ съ поличнымъ или застигнутыхъ на мѣстѣ преступленія виновныхъ въ кражѣ.

И днемъ, на людныхъ улицахъ, на глазахъ толпы убивали пытавшихся украсть, зачастую несомнѣнно подъ вліяніемъ наступившаго тогда жестокаго голода.

6 января 1918 г. безоружные рабочіе, направлявшіеся въ Таврическій дворецъ привѣтствовать Учредительное Собраніе, были встрѣчены и разсѣяны ружейными залпами и пулеметнымъ огнемъ. На мѣстѣ осталось нѣсколько труповъ.

Убивали всѣхъ: больныхъ, умиравшихъ на больничныхъ койкахъ, случайно захваченныхъ студентовъ, политическихъ арестованныхъ, несчастныхъ, доведенныхъ голодомъ до кражи, безоружныхъ рабочихъ. Знаменитая, много разъ провозглашенная большевиками и еще больше ими прославленная безпощадность бушевала. Но еще слово не было произнесено.

Еще въ іюнѣ 1918 г. на засѣданіи всероссійскаго исполнительнаго комитета Ленинъ жаловался:

— Наша власть — не желѣзо, а кисель.

Она казалась ему черезчуръ мягкой, снисходительной, расплывчатой, и онъ жаждалъ примѣненія желѣза.

Къ тому времени изъ вѣдѣнія народныхъ трибуналовъ, порой выносившихъ недостаточно жестокіе приговоры, были изъяты многія дѣла, какъ напр., дѣла о печати.

Все было наготовѣ. Были организованы чрезвычайки, но свора псовъ, натасканныхъ на человѣческую кровь, ждала свиста выжлятниковъ.

Онъ раздался. Поводомъ послужило убійство Урицкаго въ Петроградѣ и покушеніе на Ленина въ Москвѣ.

Нужно было быть тогда въ одномъ изъ этихъ городовъ, чтобы понять, что для палачей настало праздничное время. Это была не расправа, не месть, а торжество изголодавшейся кровавой похоти, наконецъ, нашедшей свое удовлетвореніе. Азартъ, съ которымъ производились массовые аресты, судорожное ожесточеніе, съ которымъ хватались заложники въ самой отдаленной степени родства съ виновными, издѣвательства надъ заключенными, мучительства ихъ — лишь слабо отражались въ телеграммахъ со всѣхъ концовъ Россіи о разстрѣлахъ ни въ чемъ неповинныхъ людей. Телеграммы эти безстыдно печатались въ оффиціальныхъ изданіяхъ и были приглашеніемъ къ дальнѣйшимъ убійствамъ. И они тянулись безконечнымъ скорбнымъ свиткомъ.

Тысячи людей были умерщвлены въ городахъ и селахъ за убійство Урицкаго и покушеніе на Ленина.

И если до бѣшенства раздраженное воображеніе могло найти какую-нибудь причинную связь между покушеніемъ на Ленина и повсемѣстными разстрѣлами непричастныхъ, — то казни русскихъ людей въ отвѣтъ на убійство Карла Либкнехта и Розы Люксембургъ въ Германіи, казни русскихъ людей, никогда даже не слыхавшихъ этихъ именъ, были ни чѣмъ инымъ, какъ потѣхой опьянѣвшихъ отъ человѣческой крови палачей.

Совѣтская власть пала до простого разбоя и съ грязнаго дна его не поднимется никогда, даже въ глазахъ самыхъ отдаленныхъ поколѣній. Никакое время не смягчитъ преступленія холоднаго, разсчитаннаго разнузданія этой властью самыхъ низменныхъ инстинктовъ, воспитанныхъ вѣковымъ рабствомъ и многолѣтней дикой войной. Власть эта вмѣшалась въ ряды черни и разжигала ея звѣрство.

И предъ лицомъ этой черни совѣтская власть публично, открыто, на страницахъ печати обсуждала вопросъ: можно ли или не слѣдуетъ примѣнять къ заключеннымъ пытки?

Эта полемика велась въ «Извѣстіяхъ всероссійской чрезвычайной комиссіи» осенью 1918 года.

И въ то же время на страницахъ другихъ правительственныхъ изданій «чека» страстно воспѣвалась.

Никакими усиліями нельзя притянуть къ грязной работѣ палачей пролетарскую идеологію. Связать совѣтскіе казематы, гдѣ люди гніютъ заживо, ихъ мучительства, непрерывныя убійства — со святынями человѣчества, съ его мечтами о свободѣ и братствѣ не дерзнетъ самый проституированный умъ. Ленинъ и не дерзаетъ на это. Эту работу онъ предоставляетъ своимъ сподручнымъ.

Но онъ объясняетъ терроръ соображеніями цѣлесообразности. Пролетаріатъ при помощи террора держитъ въ повиновеніи своихъ классовыхъ враговъ и укрѣпляетъ свою диктатуру.

Изъ уваженія къ человѣческой логикѣ нельзя останавливаться на этихъ объясненіяхъ. Уроки исторіи извѣстны всѣмъ грамотнымъ людямъ. И всѣ знаютъ, что тираны однажды захлебываются въ морѣ пролитой ими крови.

Нѣтъ, тутъ нужны другія объясненія. И ихъ дастъ Энгельсъ. Говоря о террористахъ временъ великой французской революціи, онъ пишетъ Марксу:

«Подъ господствомъ ужаса мы понимаемъ господство людей, ужасъ вселяющихъ. Какъ разъ наоборотъ: это — господство людей, которые сами напуганы. „La terreur“ — это по большей части безполезныя жестокости, совершаемыя напуганными людьми для собственнаго успокоенія. Я убѣжденъ, что вина террора 1793 г. падаетъ исключительно на перетрусившихъ, выдававшихъ себя за па-

тріотовъ буржуа, на мелкихъ мѣщанъ и на дѣлавшіе около террора гешефты подонки» (Каутскій. «Терроризмъ и коммунизмъ», стр. 56).

Нельзя съ большимъ презрѣніемъ отозваться о тѣхъ, кого Ленинъ взялъ себѣ за образецъ. Это все — трусы-«буржуи» и грязные подонки.

Почему же Ленинъ, клеймящій «вождей 2 Интернаціонала» «подлецами», «измѣнниками», «негодяями» за то, что они отступаютъ отъ указаній Энгельса, — въ вопросѣ о террорѣ не вспоминаетъ объ убѣдительныхъ сужденіяхъ святого для него ученія?

Господство террора, — говоритъ Энгельсъ, — есть господство трусовъ. И здѣсь — источникъ совѣтскаго террора, источникъ истеричныхъ криковъ Зиновьева, подражающаго Марату: «за каждую нашу голову — тысяча головъ буржуазіи».

Но еще точнѣе, опредѣленнѣе, такъ сказать, повелительнѣе говоритъ Энгельсъ объ обязанностяхъ коммунистовъ по отношенію къ возможнымъ проявленіямъ дикости и свирѣпости въ войнѣ бѣдныхъ противъ богатыхъ.

Вотъ какое мѣсто приводитъ Каутскій (стр. 177) изъ книги Энгельса «Положеніе рабочаго класса въ Англіи»:

«Коммунизмъ по принципу своему стоитъ надъ раздоромъ между буржуазіей и пролетаріатомъ. Онъ признаетъ его лишь въ его историческомъ значеніи для настоящаго, а не для будущаго. Онъ стремится устранить какъ разъ этотъ раздоръ. Онъ признаетъ поэтому, — пока раздоръ существуетъ, — ожесточеніе пролетаріата противъ своихъ угнетателей, какъ важнѣйшій рычагъ возникающаго рабочаго движенія, но онъ возвышается надъ этимъ ожесточеніемъ, ибо онъ есть дѣло человѣчества, а не однихъ рабочихъ. Кромѣ того ни одному комму-

нисту не придетъ въ голову проявлять месть надъ отдѣльными единицами или вообще думать, что отдѣльный буржуа могъ бы въ новой обстановкѣ поступать иначе, чѣмъ онъ самъ».

И дальше:

«Поэтому чѣмъ больше (англійскіе) рабочіе проникнутся соціалистическими идеями, тѣмъ больше ихъ теперешнее ожесточеніе, — которое, оставаясь такимъ же напряженнымъ, какъ теперь, все-же ни къ чему не приведетъ, — окажется излишнимъ, тѣмъ больше ихъ шаги противъ буржуазіи утратятъ характеръ дикости и свирѣпости. Если бы вообще можно было сдѣлать весь пролетаріатъ коммунистическимъ, пока не разразилась борьба, она протекала бы очень мирно».

И еще одна выдержка изъ той же книги Каутскаго (стр. 55):

«Съ 18 марта до вступленія версальскихъ войскъ въ Парижъ пролетарская революція оставалась незапятнанной насиліями, которыми переполнены революціи, а еще болѣе — контръ-революціи «высшихъ классовъ».

Такъ говоритъ Марксъ о парижской Коммунѣ, этой колыбели диктатуры пролетаріата.

Въ приведенныхъ выдержкахъ сказались гуманность и высокій идеализмъ Энгельса, о которыхъ мы говорили выше. Онъ здѣсь настаиваетъ на томъ, что ожесточеніе рабочаго класса въ войнѣ бѣдныхъ противъ богатыхъ «ни къ чему не приведетъ». Другими словами, что терроръ порождаетъ лишь безполезныя жестокости, что организація новаго общества должна проводиться иными мѣрами (какими — мы видѣли изъ цитатъ у Энгельса самого Ленина).

Далѣе, Энгельсъ не допускаетъ даже мысли о проявленіи мести надъ отдѣльными единицами или вообще

при созданіи новаго государства возможности «думать» даже, что вчерашній буржуа чѣмъ-нибудь отличается отъ рабочихъ. Для Энгельса коммунизмъ есть нѣчто возвышенное, стоящее н а д ъ классовыми раздорами, несущее свѣтъ не однимъ рабочимъ, а всему человѣчеству. Знакомство съ этимъ ученіемъ, проникновеніе его духомъ смягчаетъ человѣка, облагораживаетъ его, спасаетъ его отъ ожесточенія, дикости, свирѣпости. И Энгельсъ увѣренъ, что если бы коммунисты и соціалисты могли глубоко проникнуть въ ряды рабочаго класса, обогатить его сознаніе своимъ ученіемъ, то и вся «борьба (т. е. соціальная революція) протекала бы очень мирно».

Мысль о томъ, что вѣковыя обиды толкнутъ однажды рабочій классъ на кровавыя расправы, вызываетъ въ Энгельсѣ содроганіе и ужасъ. И единственное спасеніе онъ видитъ въ гуманномъ вліяніи на рабочихъ коммунистовъ.

Съ другой стороны, Марксъ съ чувствомъ гордости и удовлетворенія заявляетъ, что парижская Коммуна не запятнала себя насиліями.

Для Маркса и Энгельса такъ очевидны нелѣпость, ненужность, ужасъ террора, что они на немъ подробно не останавливаются. Поэтому они не говорятъ о томъ, что, убивая не въ открытомъ бою, т. е. по крайней мѣрѣ съ рискомъ самому быть убитыми, а безоружныхъ и притомъ невѣдающихъ за какую вину, — рабочіе убиваютъ въ себѣ самое лучшее и прекрасное. Они не говорятъ о томъ, что нельзя быть одновременно палачомъ и апостоломъ освобожденія человѣчества. Что молчаливое соучастіе въ убійствѣ, признаніе его, одобреніе его, радость о немъ суть самые страшные виды убійства — не рукой равнодушнаго наемника, а сознаніемъ.

Для нихъ все это — слишкомъ очевидныя истины, о которыхъ странно даже поднимать рѣчь.

Мы очень подробно привели выдержки Ленина изъ Маркса и Энгельса о разрушеніи буржуазнаго государства, о диктатурѣ пролетаріата, объ экспропріаціи средствъ производства, о буржуазной и пролетарской демократіи, о государствѣ вообще, о коммунѣ и т. д.

Есть-ли гдѣ-нибудь въ разнообразныхъ и многочисленныхъ писаніяхъ Ленина хоть одно, отдаленное упоминаніе объ отзывахъ Маркса и Энгельса о террорѣ?

Сказалъ-ли онъ гдѣ-нибудь рабочимъ, что основоположники революціоннаго марксизма, — тѣ, на ученіи которыхъ онъ будетъ перестраивать судьбу всемірнаго рабочаго класса, — предостерегаютъ отъ террора, ужасаются предъ нимъ, презираютъ террористовъ, какъ трусливыхъ «буржуа» и подонки, обдѣлывающіе свои дѣлишки на человѣческой крови?

Познакомилъ-ли онъ рабочихъ хоть въ смутныхъ намекахъ съ мыслями Маркса и Энгельса о террорѣ, — такими огромными, ясными, благородными, неотложно важными, неотложно необходимыми рабочему классу мыслями?

Нѣтъ, онъ ихъ скрылъ.

И мы знаемъ, что говорилъ рабочимъ Ленинъ, почетный членъ Всероссійской Чрезвычайки...

* *
*

Ленинъ говоритъ:

«Воспитывая рабочую партію, марксизмъ воспитываетъ передовой отрядъ пролетаріата, который въ состояніи взять на себя власть и повести **весь народъ** къ соціализму, руководить новымъ порядкомъ и организовать его, быть учителемъ, руководителемъ и вождемъ всѣхъ трудящихся и эксплоатируемыхъ при созданіи ихъ общественной жизни безъ и вопреки буржуазіи. Господствующій же въ настоящее время оппортунизмъ воспитываетъ, наоборотъ, откалывающихся отъ рабочей партіи представителей лучше оплачиваемыхъ

рабочихъ, которые умѣютъ уютно «устроиться» при капитализмѣ, которые продаютъ свои первородныя права за чечевичную похлебку, т. е. отказываются отъ роли революціонныхъ вождей народа противъ буржуазіи». (St. u Rev., стр. 25).

Къ вопросу о «лучше оплачиваемыхъ рабочихъ» Ленинъ возвращается нераз, указывая главнымъ образомъ на англійскіе трэдъ-юніоны, служащіе опорой для буржуазіи.

Здѣсь Ленинъ противопоставляетъ рабочему классу, несущему на себѣ всѣ тяготы плохо оплачиваемаго труда и эксплоатаціи, отколовшихся отъ него и уютно устроившихся рабочихъ. Это — аристократія второго сорта, своими интересами кровно связанная съ аристократіей первоклассной.

Съ чего, однако, начали большевики немедленно послѣ завоеванія власти?

Крупнымъ по тому времени жалованьемъ, привилегіями лучшаго питанія, а главное — безнаказанности и широкихъ правъ. Они выдѣлили изъ рабочаго класса (больше, впрочемъ, изъ его деклассированной части) красную гвардію и создали изъ нея первую свою опору противъ всѣхъ, кто не мирился съ ихъ властью. Затѣмъ изъ того же рабочаго класса были выдѣлены отдѣльные представители, расхватавшіе теплыя мѣстечки и образовавшіе основное ядро позже окончательно отвердѣвшаго слоя бюрократіи со своими особыми законами, правами, преимуществами и т. д. Надъ рабочимъ классомъ все болѣе и болѣе поднималась власть, отрываясь отъ него, отъ трудящихся вообще, отъ всей страны. И около этой первоклассной аристократіи, живущей во дворцахъ, разъѣзжающей въ автомобиляхъ и бывшихъ царскихъ поѣздахъ, пользующейся всѣми удобствами утонченной жизни и комфорта, окруженной стражей, — примостилась аристократія второго сорта изъ отколовшихся отъ своего класса рабочихъ.

Въ связи съ этимъ отколомъ отъ рабочаго класса необходимо привести сочувственно цитируемыя Ленинымъ слова Энгельса о вооруженіи рабочихъ во время революціи.

«И какъ только пришедшіе къ власти буржуазные республиканцы чувствовали подъ ногами твердую почву, ихъ первой цѣлью было разоруженіе рабочихъ... Отсюда послѣ каждой проведенной рабочими революціи — новая борьба, заканчивающаяся пораженіемъ рабочихъ».

Разоружить рабочихъ можно разно. Можно отнять у нихъ оружіе и можно оставить въ ихъ рукахъ незначительное оружіе (револьверы, винтовки) и противопоставить имъ сильные, дисциплинированные, оборудованные по послѣднему слову военной техники отряды и сдѣлать, такимъ образомъ, новую борьбу рабочихъ невозможной.

Большевики создали именно это положеніе. Организованная вооруженная борьба рабочихъ противъ нихъ, вооруженное возстаніе городскихъ рабочихъ будетъ раздавлено при первой попыткѣ произвести его. Точно такъ же, какъ и въ царскія времена, — большевистская власть не задумывается прекращать всякій организованный протестъ рабочихъ (напр., стачки) силой, арестами и даже разстрѣлами «зачинщиковъ». (Ленинъ однажды назвалъ стачечниковъ «мерзавцами»).

И, подобно буржуазнымъ республиканцамъ, пришедшіе къ власти большевики, почувствовавъ подъ ногами твердую почву, первымъ дѣломъ начали созидать тотъ порядокъ вещей, который характеризуется извѣстнымъ выраженіемъ: «армія противъ націи».

Красная армія не есть вооруженный народъ, она выдѣлена изъ него въ самостоятельное цѣлое, суровой дисциплиной превращенное въ безвольный механизмъ. Опутанная тончайшей сѣтью наблюденія, находясь подъ

постояннымъ надзоромъ, внутри себя подвергаясь неуклонному сыску коммунистическихъ ячеекъ, красная армія является точной копіей всякихъ другихъ армій. Она построена на иныхъ, чѣмъ бывшая царская, военно-техническихъ началахъ. Въ основу ея положены иныя массовыя единицы; введены иные органы командованія; иныя наименованія этихъ органовъ; старые знаки отличія замѣнены новыми; дрессировка сознанія, гипнозъ сознанія направлены теперь не въ сторону царской власти, а въ сторону власти совѣтской.

Но все это «новое» ничуть не измѣняетъ привычной старой картины. Подъ угрозой жесточайшаго наказанія — разстрѣла, — путемъ механическихъ однообразныхъ воздѣйствій красная армія превращена въ автоматъ, въ «инструментъ властвующихъ». Простымъ нажимомъ, приказомъ, командой начальствующихъ этотъ автоматъ поворачиваетъ свои винтовки, пулеметы, пушки противъ возставшихъ крестьянъ и рабочихъ и защищаетъ отъ нихъ власть большевиковъ.

И если этотъ автоматъ порой проявляетъ человѣческія свойства, отказывается истреблять родныхъ братьевъ, матерей и отцовъ, — то не потому, что красной арміи предоставлена хотя бы тѣнь свободы мыслить, сознавать, выбирать тотъ или иной способы дѣйствій.

Случаи колебаній, неподчиненія красной арміи вызываются общимъ революціоннымъ состояніемъ страны и тѣмъ, что большевики неспособны даже эту главнѣйшую опору своего властвованія одѣть, накормить и устроить въ сносныхъ казармахъ.

Нарушая основное требованіе Маркса и Энгельса объ упраздненіи постоянной арміи, большевики самой логикой вещей вынуждены были довести до предѣльнаго конца начатую ими работу возстановленія лишь по внѣшности разрушенной государственности. Они должны были не только цѣликомъ возсоздать постоянную армію, но и построить ее на войсковомъ духѣ,

т. е. на механическомъ, безпрекословномъ подчиненiи ея снизу вверхъ. Поэтому они обязаны были безъ остатка вычеркнуть всѣ тѣ демократическiя начала, которыя они обѣщали армiи до и въ началѣ своего прихода къ власти. И, толкаемые все дальше по наклонной плоскости деспотизма, они должны были поставить между собой и народомъ вооруженную силу и начать, такимъ образомъ, организацiю государства, не находящагося на службѣ у общества, а подчиняющаго его себѣ.

Такъ сформировалось окончательно государство большевиковъ, эксплоатирующее весь народъ въ интересахъ меньшинства.

Какой же классъ составляетъ это меньшинство, формой господства котораго является большевистское государство?

Классы опредѣляются по ихъ роли въ общественномъ производствѣ, и тамъ, гдѣ производство находится лишь въ едва замѣтномъ, зачаточномъ состоянiи, — тамъ общественные классы не могутъ получить законченнаго выраженiя. Поэтому не о классовыхъ, а о групповыхъ интересахъ и привилегiяхъ можно говорить въ совѣтской Россiи.

Группы, интересы и привилегiи которыхъ защищаетъ большевистское государство, состоятъ прежде всего изъ новыхъ «верхнихъ десяти тысячъ». Это — высшая командующая партiйная знать, облѣпленная безчисленными наперсниками и охранителями своими. Тутъ чекисты, курсанты, всевозможная жандармерiя новыхъ наименованiй, — вся сложная цѣпь уродства, рожденнаго въ растлѣнномъ мiрѣ шпiонажа и провокацiи вплоть до профессiональнаго палачества.

И въ тѣсной связи съ ними — новая буржуазiя, «совбуры», «совѣтскiе буржуи», выросшiе какъ на грабежѣ незначительныхъ плодовъ современнаго труда, такъ главнымъ образомъ на хищенiя богатствъ, накопленныхъ прежними поколѣнiями. Это — постав-

щики красной арміи, наглые крупные спекулянты, вымогатели, взяточники, мародеры, въ грязи и крови накопившіе несмѣтныя состоянія.

И, понятно, первымъ своимъ дѣломъ воспрянувшая революція объявитъ «взрывъ», «разрушеніе» всей этой государственности для освобожденія народа и созданія для него возможности существовать...

Но картину современной Россіи съ нищетой и безправіемъ массъ и расточительной жизнью и всевластіемъ верховъ Ленинъ изображаетъ такъ:

«Въ первый разъ въ исторіи міра совѣтская или пролетарская демократія создала демократію для массъ, для трудящихся, для рабочихъ и мелкихъ крестьянъ.

«Еще ни разу въ мірѣ не было подобной государственной власти большинства населенія, дѣйствительной власти этого большинства, какой является власть совѣтовъ.

«Она подавляетъ «свободу» эксплоататоровъ и ихъ приспѣшниковъ, она отнимаетъ у нихъ «свободу» эксплоатировать, «свободу» обогащаться на голодѣ, «свободу» борьбы за возстановленіе власти капитала, «свободу» комплота съ иностранной буржуазіей противъ отечественныхъ рабочихъ и крестьянъ». („Kundgebungen", стр. 30).

Это было написано въ Москвѣ, въ апрѣлѣ 1919 года, т. е. черезъ годъ и 5 мѣсяцевъ послѣ завоеванія большевиками власти, когда безысходная драма русской дѣйствительности развернулась уже во всей своей горькой очевидности.

Годомъ раньше, въ мартѣ 1918 года, Ленинъ въ статьѣ «Пролетаріатъ и школа» писалъ:

«Мы уже начали созиданіе нашей новой школы и нашей новой жизни. Но насъ ждутъ еще битвы, — битвы, которыя могутъ имѣть одинъ только исходъ: нашу побѣду. Въ этой титанической борьбѣ буржуазныхъ классовъ съ русскимъ революціоннымъ пролетаріа-

томъ и бѣднымъ крестьянствомъ теперь наступилъ самый рѣшительный и важный моментъ. Буржуазія всѣхъ странъ мобилизуетъ свои силы, чтобы задушить русскую революцію, а съ нею разрушить всѣ наши проекты, планы и предположенія, касающіеся нашей будущей свободной жизни, и съ тѣмъ вмѣстѣ — созданную нами трудовую школу. Но въ то время, какъ буржуазія объявляетъ войну намъ, революціонной Россіи, она роетъ свою собственную могилу.

«Ихъ хищническіе инстинкты держатъ подъ ружьемъ милліоны рабочихъ и крестьянъ; уже пятый годъ льется кровь рабочихъ и крестьянъ нѣсколькихъ націй, и ясно, что изъ лабиринта, въ который попала международная буржуазія, она сама не можетъ найти выхода. Она не заключаетъ мира. Миръ заключаютъ лишь рабочіе и крестьяне всѣхъ странъ. Другого выхода нѣтъ. И буржуазія, страшащаяся такого для нея ужаснаго конца, пытается корень чумы, русскую революцію, раздавить при помощи заговоровъ, возстаній и войскъ, посылаемыхъ ею на борьбу съ русскимъ пролетаріатомъ». („Kundgebungen“, стр. 41).

Всѣ эти рѣшительныя утвержденія служили обоснованіемъ большевистской тактики.

Что осталось отъ нихъ?

Изъ лабиринта войны буржуазія нашла выходъ сама. Миръ заключили не рабочіе и крестьяне, а именно буржуазія. Она давно уже не страшится большевизма, не устраиваетъ заговоровъ и возстаній и не посылаетъ своихъ войскъ для того, чтобы «раздавить корень чумы». Она ведетъ съ большевиками дружественные и полюбовные разговоры о концессіяхъ, и у нея ищутъ, отъ нея ждутъ большевики экономическаго спасенія Россіи.

И въ то время, какъ большевики очищаютъ международной буржуазіи широкій путь для «возстановленія въ Россіи капитализма», своей внутренней, новой, совѣтской буржуазіи они не препятствуютъ «обогащаться на голодѣ».

Возвѣщая новую политику большевизма — концессіи и насажденіе государственнаго капитализма, — Ленинъ продолжаетъ утверждать, что диктатура пролетаріата остается непоколебленной. Какъ послѣдовательный марксистъ, онъ держится того убѣжденія, что всякая политическая власть есть лишь выраженіе власти экономической. Поэтому ему должно бы быть ясно, что тамъ, гдѣ буржуазія по приглашенію государства и подъ его покровительствомъ будетъ извлекать изъ труда выгоды для себя, — тамъ пролетаріатъ долю своей власти отдастъ буржуазіи и тамъ, слѣдовательно, о диктатурѣ пролетаріата не можетъ быть и рѣчи.

Что же касается государственнаго капитализма, теперь столь горячо воспѣваемаго Ленинымъ, то противники большевизма, называемые Ленинымъ «буржуазными реформистами» (въ отличіе отъ «революціонныхъ коммунистовъ»), съ самаго начала большевистскаго переворота указали, что Ленинъ ведетъ Россію не къ соціализму, а къ государственному капитализму, — къ самому худшему виду угнетенія и закрѣпощенія труда.

Тогда Ленинъ заявилъ, что Россія на всѣхъ парахъ мчится къ соціализму, и противобольшевистскія газеты за каждое упоминаніе, что Россію въ итогѣ разоренія и нищеты ждетъ государственный капитализмъ, наказывались непосильными штрафами и закрытіями.

О государственномъ же капитализмѣ Ленинъ писалъ:

«...наиболѣе распространенной ошибкой является утвержденіе буржуазныхъ реформистовъ, будто монопольный или государственно-монопольный капитализмъ уже перестаетъ быть капитализмомъ и можетъ быть названъ «государственнымъ соціализмомъ» (St., u. Rev. стр. 62).

Такимъ образомъ, Ленинъ самъ устанавливаетъ, что государственный капитализмъ остается капитализмомъ и не можетъ быть названъ государственнымъ соціализмомъ. По его собственному заявленію, противоположное утвер-

жденіе является ошибкой, распространяемой никѣмъ инымъ, какъ «буржуазными реформистами».

* *
*

Мы можемъ подвести итоги.

Мы начали съ того, что духовную личность Ленина, его умственныя и моральныя черты мы должны оцѣнивать лишь съ тѣхъ точекъ зрѣнія, какія онъ самъ считаетъ для себя обязательными.

Вождь, — говоритъ Ленинъ, — долженъ обладать умомъ, иначе дѣло массъ обрекается гибели. Уменъ, по Ленину, «тотъ, кто дѣлаетъ ошибки не очень существенныя и кто умѣетъ легко и быстро исправлять ихъ».

Мы привели наиболѣе важныя сужденія, утвержденія, изслѣдованія Ленина, на которыхъ онъ строилъ свою практическую дѣятельность. И среди нихъ нельзя назвать ни одного, оправданнаго фактами и потому неошибочнаго.

Нечего говорить о томъ, что ни одна изъ «ошибокъ» Ленина, стоившая рабочему классу неисчислимыхъ жертвъ, оплаченная страной неизъяснимыми страданіями и подлежащая еще оплатѣ будущими поколѣніями, — что ни одна изъ этихъ ошибокъ не можетъ быть «легко и быстро исправлена».

Каково же качество этихъ ошибокъ: были-ли онѣ неизбѣжны въ окружавшей Ленина обстановкѣ, явились-ли онѣ въ результатѣ долгихъ и упорныхъ исканій ума?

Одна черта неизмѣнно повторяется во всѣхъ дѣйствіяхъ Ленина. Онъ механически выводитъ Россію изъ міровой войны. Механически, путемъ простого отчужденія въ пользу государства фабрикъ и заводовъ рѣшаетъ вопросъ о новыхъ основахъ производства. Механически, путемъ казней ведетъ борьбу со спекуляціей. Механически, путемъ насильственныхъ реквизицій у деревни продуктовъ ея труда рѣшаетъ вопросъ продовольственный. Механически, путемъ голоднаго понужденія

привлекаетъ интеллигенцію къ совѣтской работѣ. Механически, путемъ отдачи международной буржуазіи русскихъ богатствъ въ концессіонную эксплоатацію нащупываетъ выходъ изъ экономической катастрофы.

Возможностью примѣненія этихъ механическихъ средствъ опредѣляются всѣ опыты Ленина и теоріи, придумываемыя имъ для ихъ оправданія.

Всѣ его построенія о неизбѣжности всемірной соціальной революціи, его непониманіе того факта, что за Брестъ-Литовскомъ фатально долженъ придти Версаль, что ликвидація войны имперіализмомъ свидѣтельствовала о непоколебленномъ могуществѣ буржуазіи — говорятъ лишь о поверхностности и легковѣсности его расчетовъ. Онъ оказался неспособнымъ оцѣнить даже такое ясное явленіе, что Версальскій миръ закрѣплялъ существовавшее во время войны разъединеніе всемірнаго пролетаріата — единственной силы, призванной къ свершенію всемірной революціи.

Во внутренной политикѣ всѣ шаги Ленина отмѣчены той же безпомощностью. Онъ не постигъ того, что экспропріація безъ немедленнаго, одновременнаго обращенія всего отчужденнаго богатства на пользу всего общества ведетъ къ пріостановкѣ производства, къ голоду, нищетѣ и неизбѣжной зависимости отъ міровой буржуазіи. Для него остался скрытымъ смыслъ его дѣйствій, роковымъ образомъ ведшихъ къ войнѣ между городомъ и деревней.

Все это — истины азбучныя, и пренебреженіе ими возможно лишь при неспособности къ ихъ усвоенію.

Но Ленинъ кромѣ ума требуетъ отъ революціоннаго вождя еще и «честности съ собой», т. е. вѣрности своей святынѣ. Святыня Ленина — завѣщаніе революціоннаго марксизма. Мы привели въ послѣдовательной связи воззрѣнія Маркса и Энгельса на пролетарское государство, на роль и значеніе постояннаго войска, политической полиціи, бюрократіи, всеобщаго избирательнаго права и т. д.

Мы точно ознакомились съ взглядами самого Ленина на демократію буржуазную и демократію пролетарскую.

И мы видѣли, какъ Ленинъ всѣми своими мѣропріятіями попираетъ то, въ чемъ онъ видитъ весь смыслъ пролетарской революціи. Введеніемъ постояннаго войска; насажденіемъ шпіонажа, сыска и провокаціи, учрежденіемъ чрезвычаекъ; подавленіемъ всѣхъ личныхъ свободъ; нарушеніемъ основъ избирательнаго права; созданіемъ замкнутой въ самой себѣ привилегированной бюрократіи, подобно гангренѣ разъѣдающей весь народный организмъ; подчиненіемъ рабочихъ массъ диктаторству назначенныхъ распорядителей; милитаризаціей труда; прикрѣпленіемъ рабочихъ къ фабрикамъ и заводамъ, — Ленинъ каждодневно и ежечасно совершаетъ кощунственное надругательство надъ тѣмъ, что онъ самъ провозглашаетъ, какъ единственное содержаніе диктатуры пролетаріата.

Онъ создаетъ самодовлѣющее государство, насквозь прогнившее въ неправотѣ, безсудности, рабскомъ подчиненіи угнетенныхъ, продажности, взяточничествѣ, вымогательствѣ безчисленнаго чиновничества. Государство тяжкимъ бременемъ подавляющее рабочихъ и крестьянъ для благополучія и торжества самыхъ низменныхъ отбросовъ самовластія и спекуляціи. Для этого онъ попираетъ, имъ самимъ объявляемыя безспорными, указанія Маркса и Энгельса.

И, наконецъ, по самому страшному вопросу, по вопросу объ убійствѣ безоружныхъ, по вопросу о террорѣ онъ скрываетъ отъ рабочихъ массъ повелительныя требованія Маркса и Энгельса.

Намъ остается напомнить еще объ одной чертѣ Ленина. Во всѣхъ своихъ многочисленныхъ писаніяхъ послѣ октябрьскаго переворота онъ нигдѣ не подводитъ итоговъ потерямъ и пораженіямъ буржуазіи — классоваго врага пролетаріата. Но зато онъ переполняетъ свои книги и брошюры однообразными . безпрестанно повторя

ющимися счетами съ своими партійными противниками — соціалистами. Не ненависть къ историческимъ врагамъ пролетаріата, а душная злоба къ соціалистамъ диктуетъ ему его поведеніе. Для нихъ онъ не щадитъ ни мѣста, ни времени, и ихъ, лишенныхъ права и возможности печатной самозащиты, заключенныхъ въ тюрьмы, избиваемыхъ, убиваемыхъ и истребляемыхъ, онъ неустанно обвиняетъ въ измѣнѣ, предательствѣ, продажности, низменности, лакействѣ предъ буржуазіей, подлости, гнусности.

Нигдѣ, на пространствѣ всѣхъ написанныхъ имъ страницъ, лицомъ къ лицу съ неслыханными страданіями народа, предъ надвигающейся сдачей всѣхъ позицій и невозбраннымъ пиршествомъ международныхъ хищниковъ въ разоренной и истомленной Россіи, — нигдѣ ни разу онъ не упоминаетъ о сдѣланныхъ имъ ошибкахъ. Ошибки совершали всѣ, но не онъ, не руководимая имъ партія большевиковъ.

Ибо способность признанія своей вины есть достояніе душевнаго величія, и лишь незначительныя натуры взваливаютъ всѣ преступленія на другихъ, а себя обѣляютъ.

И его постоянныя утвержденія о наличіи въ Россіи — вопреки всѣмъ искаженіямъ завѣтовъ Маркса и Энгельса — диктатуры пролетаріата подобны попыткамъ перекричать голоса жизни, вопіющіе о порабощеніи трудящихся.

Какимъ, однако, образомъ этотъ мелкій, школьный умъ, безнадежно путающійся среди заимствованныхъ чужихъ формулъ, эта ординарная, самодовольная натура, оплевывающая свои собственныя святыни, — какимъ образомъ Ленинъ могъ на время стать центромъ, знаменемъ рабочихъ массъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ лежитъ въ особенностяхъ нашей эпохи.

Впервые въ исторіи человѣчества всесвѣтная бойня заставила ясно, до непререкаемости почувствовать нераз-

рывную связь отдѣльныхъ лицъ, націй, народовъ, странъ съ судьбой всего міра. И русская революція въ обстановкѣ войны и въ тѣсной зависимости отъ войны сразу поднялась до пророческаго одушевленія. Она не мыслила себя, какъ дѣло узко-національное, исключительно русское, а видѣла въ себѣ провозвѣстницу новаго откровенія для всего человѣчества. Каждый свой шагъ навстрѣчу порядку, диктуемому потребностями и мечтами народа, она сопровождала движеніемъ къ безпредѣльному морю всесвѣтнаго угнетенія. Восторгъ своихъ надеждъ и скорбь своихъ утратъ она связала съ пробужденіемъ братьевъ земли сей.

И, можно сказать, все существо русскаго рабочаго человѣка было открыто для дивныхъ ожиданій.

Дорога въ душу рабочихъ была широко открыта. Душа эта требовала еще больше огня, экстаза, вознесенія на опьяняющія высоты и приближенія къ безконечнымъ далямъ.

Еще одинъ шагъ, еще одно усиліе, еще одинъ «послѣдній и рѣшительный бой», и съ лица земли исчезнетъ вся неправда голода, нищеты, рабства, обидъ, униженій. Падутъ искусственныя преграды, раздѣляющія семью народовъ на враждующіе отряды, и человѣчество сольется въ великомъ рабочемъ братствѣ.

Надъ міромъ всходило новое солнце вѣковой, напряженной, страстной мечты загубленныхъ въ борьбѣ и мукахъ поколѣній.

И, озаренный лучами этого солнца, надъ возставшимъ русскимъ рабочимъ классомъ поднялся Ленинъ. Онъ былъ вождемъ, пророкомъ, Мессіей. И благословеніе милліоновъ пролетаріевъ, восторженно отдававшихъ свои жизни въ жертву идеаламъ угнетенныхъ, какъ бы напередъ давало ему отпущеніе грѣховъ.

Взоры всемірнаго пролетаріата съ волненіемъ и нетерпѣливымъ ожиданіемъ были обращены къ Россіи. Тамъ рабочіе и крестьяне пришли къ власти и осуществляютъ великодушную «диктатуру пролетаріата»...

И, пока массы шли за Ленинымъ, онѣ, какъ ореоломъ, окружали его ослѣпительнымъ свѣтомъ своихъ стремленій. Ему безраздѣльно принадлежала ихъ неразсуждающая вѣра.

Нѣтъ болѣе тяжелаго и мучительнаго кризиса, чѣмъ кризисъ сомнѣній и отказа отъ своихъ, казалось, самыхъ прочныхъ и безспорныхъ вѣрованій. Это — страдальческій путь, связанный съ непостижимыми болями и ведущій къ признанію банкротства своихъ ожиданій.

И этимъ путемъ идетъ теперь русскій рабочій классъ. Уже прошла пора недоумѣнія, когда пролетаріатъ не смѣлъ спросить себя: да отвѣчаетъ-ли дѣйствительно этотъ деспотизмъ, это умерщвляющее всякое изслѣдованіе и всякій запросъ мысли своевластіе исторической задачѣ трудящихся?

Теперь пролетаріатъ уже спрашиваетъ и не только себя, но и тѣхъ, кто святотатственно присвоилъ себѣ званіе — его диктаторовъ. Спрашиваетъ и требуетъ отчета. Ибо потрясающіе результаты Ленинскаго господства тревожатъ совѣсть и возмущаютъ сознаніе.

Медленно происходитъ выздоровленіе рабочаго класса, но и теперь уже онъ видитъ, что тамъ, гдѣ Ленинъ говорилъ объ «ошибкахъ», — тамъ совершались преступленія, гдѣ онъ затемнялъ мысль разсказами о «передышкѣ», тамъ происходило паденіе.

Гаснетъ ореолъ, окружавшій Ленина: массы отходятъ отъ него. Оставляемый ими, онъ предстаетъ въ свою натуральную величину вульгарнаго, повседневнаго властолюбца, оскверняющаго свои собственныя святыни, безоплевывающаго дѣло довѣрившихся ему трудящихся, безсильно шатающагося подъ толчками жизни, неспособнаго создать ни одной плодотворной мысли.

И среди его безчисленныхъ преступленій, быть можетъ, самое страшное заключается въ томъ, что онъ убійствами своими, своимъ оскверненіемъ имъ самимъ возвѣщенныхъ заданій революціи, своимъ возглавленіемъ

черни и отбросовъ чрезвычаекъ убилъ ищущую душу многихъ рабочихъ. Усталые, разочарованные, не вѣрящіе ни въ кого и ни во что, они отворачиваются отъ жизни и ея запросовъ.

Дѣло Ленина пришло къ концу. Оно изжило себя. Однажды онъ сойдетъ со сцены, не оставивъ ни одной творческой идеи, и рабочій классъ въ своемъ стремленіи къ всемірному освобожденію, въ своихъ поискахъ вѣрной дороги къ идеаламъ трудящихся отвергнетъ всѣ его жалкіе «опыты».

Бываютъ положенія, когда народъ подъ вліяніемъ экзальтированнаго чувства вступаетъ на ложный путь. Тогда истиннымъ друзьямъ народа въ мучительномъ одиночествѣ приходится идти наперекоръ господствующимъ настроеніямъ, принять на себя вражду, ненависть, проклятіе народа, порой — смерть отъ его руки.

Въ такомъ трагическомъ положеніи все время Ленинскаго господства находятся соціалисты. Травлей на нихъ народа наполнены всѣ писанія и рѣчи Ленина, и чѣмъ ближе его конецъ, тѣмъ яростнѣе онъ разжигаетъ темные инстинкты голодныхъ, истерзанныхъ людей и толкаетъ ихъ на расправу съ соціалистами.

Не благородныя, творческія побужденія рабочаго класса будилъ Ленинъ своимъ словомъ и дѣйствіями. Ни одного призыва къ великодушію не раздалось изъ его устъ. И ни одного акта великодушія, этой добродѣтели силы и мужества, не произошло за все это темное время русскихъ страданій. Онъ обращался лишь къ низменнымъ чувствамъ мести и безжалостности, этимъ свойствамъ трусости и ничтожества, и далъ имъ широкій просторъ.

Типографія „Нейе Цейтъ“, Берлинъ-Шарлоттенбургъ.

ЦѢНА 3 МАРКИ.